

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
принц
императорской мантии

Гай Юлий Орловский
Ричард Длинные Руки –
принц императорской мантии
Серия «Ричард Длинные
Руки», книга 49

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7060477

*Ричард Длинные Руки – принц императорской мантии :
фантастический роман / Гай Юлий Орловский: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-73700-0*

Аннотация

Новый мятеж ангелов, на этот раз небесного легиона и трети темных, свергнутых еще в ту первую страшную битву! Заговорщики создали тайную базу и выстроили неприступную крепость под Шеолом, самым нижним ярусом ада. Сэр Ричард, паладин, отчаянно пытается составить коалицию из верных архангелу Михаилу войск и темных ангелов ада, чтобы совместными усилиями восстановить... нет, установить новый порядок.

В котором диктовать правила будет он.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	45
Глава 5	58
Глава 6	74
Глава 7	85
Глава 8	95
Глава 9	106
Глава 10	118
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Гай Юлий Орловский Ричард Длинные Руки – принц императорской мантии

© Орловский Г.Ю., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*** * ***

Часть первая

Глава 1

Бабетта с таким наслаждением смакует мороженое, что моя мужская душа ликует и радуется. Все мы обожаем делать женщину счастливой, а если удастся вот такими мелочами, то сами счастливы по самое некуда.

Улыбка моя становилась все шире, но в голове продолжала разрастаться диковая на первый взгляд мысль. Господь вручил человеку землю и велел править всем этим миром, включая животных, женщин и даже ангелов. Почему я все еще не додумался покомандовать ангелами?

Это же так естественно, напрашивается почти само собой! От того, что Адам не решился, вообще был парень мягкий и безынициативный, даже яблоко не он сорвал, стыд какой, не решались и его дети-внуки, это не значит, что никто из более отдаленных потомков не заикнется о своем законном и неоспариваемом праве.

– Бабетта, – сказал я с подозрением, – ты что-то смотришься как-то весьма... торжественно, что ли.

Она удивилась:

– Заметно?

– Еще как!

Она проговорила с сомнением:

– Либо я теряю осторожность, либо ты становишься опасно проникательным. Боюсь, скорее, второе.

– Ага, – сказал я, – поймалась! Признавайся, зарезать ночью мечтаешь?

– Почему ночью? – спросила она изумленно. – Ночью не так интересно!

Я невольно любовался, как она лопаёт, мои неотесанные лорды хватили бы эти крохотные пирожные и забрасывали в пасти, как орешки, но Бабетта хоть и не жеманится, но почти незаметно соблюдает манеры. Приятно смотреть на такое превосходное совмещение хороших манер с естественностью желаний.

Она перехватила мой внимательный взгляд.

– Что-то, – произнесла с настороженной улыбкой, – взгляд больно прицельный... Ударить хочешь?

– Хочу, – признался я. – Но пока не буду, хотя я тиран, и мне все можно. Да ещё и штатгалтер, надо же!..

– Не язви, – попросила она мягко. – Так что насчёт ангелов?

Я ответил как можно спокойнее:

– Да это так, чисто богословский вопрос. Я же паладин, а это накладывает определенные обязанности. Ну там Библию прочесть как-нибудь, в диспуте поучаствовать, ангелов на острие иглы посчитать или оппонентам зубы...

В проеме двери возник сэр Жерар, строгий и чопорный.

В глазах на миг мелькнуло изумление, но раз я спокоен, то и он произнес ровно и бесстрастно:

– Ваше Величество, с прибытием.

– Спасибо, лорд Бредфорд, – сказал я и добавил: – Но вот приказ на будущее: если кто-то без моего разрешения войдет в мой кабинет – стреляйте насмерть. Все вопросы потом.

Он поинтересовался тем же ровным голосом:

– Ваше Величество?

– Во время моего отсутствия, – уточнил я. – Никаких исключений, ясно? Никаких. Можно топором в голову. Но из арбалета быстрее и надежнее.

Он поклонился:

– Будет исполнено в точности, Ваше Величество.

Уходя он бросил на Бабетту короткий взгляд, не предвещавший ей ничего хорошего, кроме быстрой и почти безболезненной смерти.

Бабетта бледно улыбнулась:

– Жестко.

– Что делать, – ответил я с лицемерным сочувствием, – надо.

– В самом деле надо?

– Я король, – напомнил я со вздохом, – у меня всякие государственные и прочие интимные тайны. Кстати, защиту нужно усилить в том аспекте, чтобы убивала еще в самом начале попытки проникновения.

Она зябко передернула плечами:

– Рич, я тебя не узнаю.

– Сам себя узнаю мало, – сообщил я. – Даже когда перед зеркалом. А каким был вислоухим, помню-помню! Но раз уж мой афедрон на троне, то владелец этого охода должен править мудро, милостиво и бесчеловечно в духе истинных либеральных ценностей с двойными, а то и тройными в усложняющемся мире стандартами. Мир ведь усложняется?

– Не знаю, – ответила она неуверенно, – я думала, это мы растем и усложняемся.

– Мир усложняем тоже, – сказал я. – От меня, к примеру, теперь зависит не только благополучие множества людей, но даже их жизни. Потому я должен быть всегда настороже и давать сдачи заранее. Желательно, на временно чужой территории с залежами полезных ископаемых.

Она вздохнула:

– Мы отдаляемся друг от друга?

– Зачем? – спросил я в изумлении. – Можем даже сблизиться еще! Но, конечно, уже на других условиях.

Она спросила жалобно:

– Рич, разве были условия?

– Были, – ответил я. – Были. А теперь поменялись. Например, будешь сперва стучать в дверь и просить разрешения войти. Хотя, конечно, никто тебя не принуждает их принимать.

Она несколько мгновений всматривалась в меня, я видел цепкий взгляд и почти понимал, как бешено работает ее раз-

витый и натренированный мозг, быстро-быстро перебирая варианты, возможности, способы воздействия, лазейки, наконец чарующе улыбнулась и почти пропела нежным голосом:

– Рич... конечно же, я приму все, что ты скажешь! Я женщина, а женщине даже нравится быть послушной сильному мужчине.

– Правда? – спросил я.

– Это у нас в крови! – прощепетала она. – Мы обожаем, когда над нами доминируют, управляют нами, а взамен защищают, оберегают и заботятся.

Я улыбнулся, заново наполнил фужеры шампанским. Молодец Бабетта, выбрала лучший из вариантов. Отказ ничего не даст, а вот показная покорность выявит множество возможностей. Нужно только усыпить мою бдительность, сделать так, чтобы я распустил хвост и затоковал, как тетерев перед тетеркой.

– Ты все умеешь, – продолжала она с восторгом, – создавать как королевства, так и вот такие чудесные сосуды и вина! Ты необыкновенный, Рич.

Я поморщился:

– Бабетта... ты что, проверяешь, насколько я замечаю фальшь? Такую грубую заметит даже сэр Растер. Мне надо льстить тonyше, namного тonyше.

– А поможет? – спросила она.

Я коротко усмехнулся:

– Любую брехню научился замечать с ходу. Если, конечно, сосредоточусь. Потому меня может обмануть крестьянин в поле, но с важными игроками я собран, поверь.

– Ой, спасибо, – сказала она счастливо. – Я, значит, важный?

– Предельно важный, – подтвердил я. – Когда появлюсь во дворце императора, ты меня там встретишь?

Она чарующе улыбнулась:

– Рич... Только если захочешь. Там много таких красивых женщин! Просто невероятно красивых.

– Не понимаю, – ответил я искренне, – чем красивые от некрасивых отличаются в темноте! Вы же все почему-то требуете задуть свечи в спальне.

– Ой, – пискнула она счастливо, – я, значит, нечто больше, чем просто красивая?

– Больше, – подтвердил я. – Потому я и велел стрелять на поражение. Просто красивая не войдет в мой кабинет так, что не заметит ни стража, ни сэр Жерар. Кстати, стражи снабжены амулетами, но, видимо, недостаточно. К счастью, я теперь стал сильнее... и защиту усилю.

Улыбка ее померкла, взгляд стал испытующим, старается понять, насколько стал сильнее, но магией меня прощупать пока еще никому не удавалось, но если судить по косвенным признакам, то да, стал. Уже то, что появился, как и она, не замеченный никем, говорит о моей возросшей мощи.

– Сильный мужчина, – сказала она с одобрением, – это

мечта всех женщин!

– Да, – ответил я с едва уловимой ноткой сарказма, – я же, как все мужчины, только и мечтаю о таком счастье! И больше ничего не надо. Женщины! Больше женщин! Еще, еще... Ох, Бабетта, теряешь квалификацию, что ли?

Она бледно улыбнулась:

– Это твоя растет не по часам, а по минутам. Рич, я сдаюсь!

– Давно бы так, – сказал я. – Давай, ты сделаешь вид, что раскрыла все свои карты, а я – что поверил. И установим взаимопонимание на новом уровне.

Она вздохнула:

– Вот так ты всегда. Все время повышаешь свой и понижаешь мой! Это нечестно.

– Бабетта, – поинтересовался я, – ты кто императору? Дочь, сестра, племянница?

В ее глазах мелькнуло замешательство, но тут же спросила с подчеркнутым изумлением:

– Рич, ну почему?

– Есть причины, – ответил я.

– Назовешь? – поинтересовалась она.

– Долго, – ответил я. – Потом надо будет пояснять, почему так решил. Потом еще что-то... Так как?

Она улыбнулась просто чарующе, почти пропела сладеньким голоском:

– Ах, Рич... У женщины должны оставаться какие-то тай-

ны! Иначе станем вам, мужчинам, совсем неинтересны.

– С такой фигурой? – изумился я. – Не смеши. В общем, ответ утвердительный.

– Утвердительный в смысле, – уточнила она, – едешь к императору?

– Да, – подтвердил я. – Не сейчас, правда. А в том смысле, что ты императору близкая родня. Другому бы он не доверил столь важные миссии. И немалую власть. И важные рычаги.

Она вздохнула:

– А простому человеку, благодаря своим талантам выдвигнувшемуся из народа?

– Все можно доверить, – согласился я, – но не такую самостоятельность в принятии решений. Ладно, не хочешь признаваться, не признавайся. Но мы оба знаем, что я тебя расколол, отважная ты моя Мата Хари!

– А кто это? – спросила она. – Ладно, догадываюсь... Она красивая?

– Бесподобно, – заверил я. – Могла бы, наверное, даже с тобой потягаться, но, увы, схвачена и казнена. Что печально, но закономерно.

Она посерьезнела, посмотрела с вопросом в глазах, есть ли какой-то намек и на нее, или же это я просто так, хотя этот Ричард ничего не говорит просто так, даже когда вроде бы беспечно ляпает языком, как корова хвостом, совершенно не заботясь о впечатлении.

– Рич, – спросила она тихонько, – что ты задумал? Я ни-

когда тебя не видела таким серьезным!

– Спасая мир, – ответил я.

Она кивнула, даже не улыбнувшись:

– Это я знаю. Но сейчас что-то иное.

– Милая моя шпионка, – сказал я и отечески поцеловал ее в лоб. – Кое-что я держу, как ты уже поняла, даже от своих лучших друзей в тайне. Так что извини. Узнаешь, когда все получится.

– Или не получится, – проронила она.

– Тоже может быть, – согласился я. – Утешает то, что я об этом уже не узнаю. Фужер вина на дорожку?

Она поняла меня правильно, улыбнулась, легко соскочила с моих колен.

– Хорошо бы, но тороплюсь, дорогой. Рассчитываю во дворце императора выпить с тобой по большой чашке твоего странного напитка. Или не возжелаешь меня признавать?

– Тебя да не возжелаешь? – спросил я.

Она улыбнулась и легко выскользнула из кабинета, но мне почудилось, что уже на пороге истончилась, превращаясь в некий дымок, так что в коридоре могли вообще не увидеть такую гостью их сюзерена.

Я вскочил, не в силах сидеть, прошелся по кабинету от стены до стены. В ситуации с ангелами чувствую себя замарашкой-подмастерьем деревенского кузнеца в самом захудалом селе на краю мира, когда вдруг узнает, что он, оказывается, единственный законный наследник на трон королев-

ства. В таких случаях трусливый дурак обычно долго отказывается, его уговаривают, тащат и пинают заинтересованные лица, всячески помогают ему вернуть трон, а себе высокие места возле трона.

Но у меня нет таких заинтересованных, как раз все против. Правые и левые заинтересованы... да что там заинтересованы, страстно жаждут, чтобы я и не вспомнил о своем великом наследстве.

Но я вот вспомнил, пусть даже через тысячи лет. Хотя да, нужно было созреть. Даже обнаглеть в какой-то мере. К тому же оказаться прижатым рогатиной к стене, когда хватаешься за все, что может помочь хоть в какой-то степени.

Но за это время и ангелы, даже те, которые тогда поклонились, постепенно привыкли, что человек и не пытается воспользоваться своим несомненным и неотъемлемым правом распоряжаться не только коровами и овцами, но ими тоже.

Шли годы, века, тысячелетия, человек ни разу – ни разу! – не воспользовался своим правом. И ангелы приняли это как должное. Дескать, хотя Творец и дал человеку это право, но сам человек прекрасно понимает, насколько мал и ничтожен, потому даже и не заикается о своих правах на престол.

Сердце колотится часто и тревожно. Я продолжал уже не ходить, а метаться взад-вперед по комнате, натыкался на стены и снова горячно повторял доводы, стараясь укрепить свою решимость и прибавить себе отваги и дерзости.

На пороге, услышав мои частые шаги, возник сэр Жерар,

лицо слегка обеспокоенное, замер в ожидании.

Я отмахнулся.

– Да это я так, разминаюсь... Засиделся за столом. Где граф Гуммельсберг?

Он ответил с легким поклоном:

– Ваше Величество, они с сэром Норбертом изволили.

– Что?

– Отбыть изволили, – сообщил он с некоторой неохотой.

– Эх, – сказал я с досадой. – Без моего повеления? Как посмели?

– Потому и посмели, – сообщил он с пониманием, – что вы бы не разрешили.

– Жаль, – сказал я. – Хотелось бы повидаться, я же ненадолго.

– Повидаетесь, – ответил он невозмутимо. – Они посмотрели на небо и решили вас не дожидаться. Сказали, увидятся с вами в долине Отца Миелиса. С ними отбыл последний отряд рыцарей из Сен-Мари. Говорят, даже король Кейдан хотел отправиться со своими людьми, но ему запретил Совет Лордов.

– Он же просто король, – заметил я с некоторым самодовольством. – Ему запретить еще как могут!

– Не монарх, – согласился он с едва заметным одобрением, чтобы не выглядело похожим на лесть. – Королей выбирают сами лорды, но монархом может стать только великий король, Ваше Величество.

– Сделать себя, – поправил я. – На этот раз в монархии я возвел себя сам. Здорово?

Он поклонился:

– Поздравляю, Ваше Величество.

Я кивнул, он молча удалился, а я вышел на балкон и сразу ощутил навалившуюся на плечи тяжесть. Трудно поднять голову, чудовищный диск, вырастающий в размерах с каждым днем, виден в подробностях, можно бы рассмотреть надстройки, будь они там, но пока только некие пятна, как и на луне.

И все-таки народ занят своими делами. Панике поддались немногие, большинство же твердо знают – все в руке Господа, никто не избегнет предназначенной ему участи. Разве что храмы переполнены с утра до вечера, так что церковь, как ни крути, еще долго будет необходимейшей из организаций.

Едва с тяжелым вздохом вернулся в кабинет, сэр Жерар вошел подчеркнуто деловитый, сказал с порога:

– Ваше Величество, там мастер Краниус. Вы велели докладывать...

Я пытался вспомнить, кто такой мастер Краниус, но точно не знаю, однако если велел, то наверняка важное, махнул рукой.

– Пропусти.

Глава 2

В кабинет вошел средних лет мужчина, франтоватый настолько, что художник или скульптор, хотя и те могут быть мастерами, хотя вообще-то нельзя быть дельным человеком и думать о красе ногтей.

Он поклонился и замер в почтительной позе.

– Мастер Краниус, – сказал я, – что-то не припоминаю.

Он ответил учтиво:

– Ваше Величество, меня вы еще не видели, но глава нашей гильдии Гербертус...

– Ах да, – сказал я, – паровоз! Ну да, как же, это очень важно. Что с ним?

– Закончили, – доложил он с восторгом и посмотрел так, словно я сейчас сделаю его герцогом и подарю замок. – Первый, собранный полностью в нашей мастерской, уже поставили на рельсы! Пробуем.

– И как?

– Носится, – отрапортовал он с еще большим восторгом, – а как таскает, как таскает телеги! Сколько камней ни нагрузи – тащит!.. Телеги разваливаются, ему хоть бы что. Приступаем к построительству еще двух. И покрупнее.

Я вздохнул с облегчением:

– Прекрасно. Это ничего, что все лучшие мастера королевства над ним работали. Потом смогут справляться и под-

мастерья. И удешевим... Это что, чертежи?

– И рисунки, – уточнил он. – Ваше Величество, вы очень точно сказали, что лучшие мастера...

Я развернул лист, и дыхание оборвалось в груди, словно я свинья, которой всадили длинный нож под сердце. Это не эскиз и не набросок, а настоящее произведение искусства: первый собранный руками умельцев Сен-Мари паровоз, пока еще слабосильный щенок, таким и останется, но проложит дорогу другим.

Но смотрел я с быстро нарастающей яростью. Ну что за дурь, я же нарисовал ясно и четко, каким должен быть паровоз! Почему эти тупые идиоты сочли, что такое просто не будет работать, если паровой котел, который и составляет основную массу паровоза, не украсить массивными барельефами в металле? Это же сколько труда и сил зря потратили! Теперь это вот чудовище со злобно оскаленной мордой будет мчаться по рельсам, пугая народ?

– Сэр Жерар, – крикнул я. – Сюда немедленно! Можете на время оставить манеры, все равно сейчас буду орать и брызгать слюной.

Сэр Жерар появился рядом, словно тоже умеет передвигаться, как Бабетта, всмотрелся в яркую картину.

– Ого, – сказал он, – для военных целей как раз уместно.

Я сказал злобно:

– Согласен, нет на свете изобретения, что не приспособилось сперва для войны. Но это сие планировалось для пе-

ревозки пассажиров, пусть даже сперва армейских пассажиров! Потому, сэр Жерар, разработайте, потом принесете мне на подпись указ, что в подобных случаях отступление от моих прямых указаний – государственная измена! Караемая четвертованием.

Жерар с невозмутимым лицом покосился на враз побледневшего заместителя строительства паровоза.

– А не разбегутся? Они все в душе художники. Смотрите, даже на колесах искусный и затейливый барельеф! Какие фигурки...

– Помеха трению, – огрызнулся я, но по их лицам видел, что сказанул непонятное, – и вообще это бунт, понимаете? Мои повеления нужно выполнять, а не пытаться улучшить по своему скудному разумению. Вот так и гибнут империи! Пока указ доберется до самых до окраин, от южных гор до северных морей...

Краниус пролепетал:

– Ваше Величество, но вы же не художник! Мы делали, как лучше! Чтоб вам понравилось!.. Так надеялись на высочайшее одобрение...

Я прорычал:

– Идите!.. Вот будете делать свой собственный, тогда художествуйте! А на государственной службе и на государственные деньги неча удовлетворять свои запросы эстета!.. Брысь!

Он исчез, сэр Жерар покачал головой, явно на стороне ху-

дожника, но смолчал, он тоже на государственной службе, сказал после паузы:

– Там в коридоре ждет сэр Угобергшир.

Я порылся в памяти:

– И этого не знаю. Он кто?

– Один из капитанов.

– Зовите!

В кабинет вошел крепкого сложения мужчина с красным обветренным лицом, просоленный настолько, что я даже ощутил аромат моря, поклонился и, быстро вскинув голову, посмотрел прямым взглядом.

– Сэр Угобергшир, – сказал я.

– Ваше Величество!

– Сэр Угобергшир, – сказал я. – Освежите мою память.

Я думал, она мне еще не изменяет. А оказывается, такая же стерва, как и все они...

Он улыбнулся:

– Ваше Величество, вы меня не знаете. Я с детства плаваю по морю, но, конечно, только вдоль берега... На побережье есть местечко с высокими скалами, полностью заросшими диким виноградом. Между ними извилистый проход...

– А там в глубине укромная бухточка? – спросил я.

Он улыбнулся шире:

– Вы сразу все схватываете, Ваше Величество. Проход совершенно незаметен, потому его и не обнаруживали пираты. Там у нас помещается два-три кораблика. На них мы и ка-

ботажничаем вдоль берега. Есть у нас капитан Кракенгард, даже на Южный материк ходил!.. Как-то ему удастся пробираться целым, хоть и кораблик мал, и плывет вроде бы наугад, если не врет... Но я напросился к вам по важному вопросу, Ваше Величество!

– Слушаю, – сказал я в нетерпении.

– Раз уж удалось отогнать пиратов, – сказал он, – и начато строительство больших кораблей, то надо бы строить и мелкие? Для плаванья вдоль берега?.. Так перевозить дешевле. Особенно в Вестготию и другие королевства, где с дорогами совсем плохо.

Я подумал, позвал быстро:

– Сэр Жерар! Вы у меня сейчас весь кабинет министров в одном лице. Займитесь этим товарищем. Нам малотоннажное судоходство необходимо просто крайне. Создайте условия. К сожалению, сейчас отбываю по таким пустякам, как спасение человечества, хотя после орембрантенного паровоза уже не уверен, что его нужно спасать.

Сэр Жерар сказал озадаченно:

– Но у вас есть это, кабинет... Совет Лордов!

Я отмахнулся:

– Это потом, сейчас все ускорилось, сэр Жерар. Действуйте, а я исчезаю.

Сэр Жерар кивнул капитану:

– Идите за мной. Уточним, что вам нужно, и подумаем, что можем. Ваше Величество, к вам жаждет попасть на при-

ем барон Эйц...

Я махнул рукой:

– Без вопросов.

Барон Эйц, начальник стражи, всегда старался держаться в стороне, словно панически боится обвинений сослуживцев в желании продвинуться за счет близости к маркграфу, постепенно поднимавшемуся до короля, сейчас вошел и застыл у порога по стойке смирно.

Я спросил быстро:

– Сэр Торрекс, не тяните. Знаю, вы такой человек, по пустякам вас сюда на цепи не затащить, а уж по своей воле так вообще.

Он вздохнул, развел руками:

– Да, Ваше Величество, дело крайне серьезное и важное. Вы помните нашего юного графа Эдгара? Он был оставлен вами зачищать опасные места в Турнедо, но здесь умер отец, и его вызвали принять в наследство замок и земли. Я хотел привлечь его к охране вашего дворца, но не успел, юный граф очень долго принимал наследство по описи, за это время увлекся рисованием...

– Давайте короче, – сказал я в нетерпении, – хотя, конечно, художественные наклонности развивать весьма хорошо и патриотично.

Он взглянул исподлобья:

– Правда? А я ему пенял за нерыцарские занятия. В общем, он нарисовал как-то портрет женщины, какую бы меч-

тал встретить, повесил ее в своей спальне.

– Женщину? Молодец, не ожидал от графа.

– Нет, только портрет повесил.

– А-а, давайте еще короче, барон!

– В общем, – сказал он со вздохом, – она возьми и явись к нему ночью. Та, с портрета. Он ошалел... В общем, начала являться к нему, но только по ночам, а перед утром всегда уходила. Однажды он подсмотрел тайком, как она удаляется через лесок к ручью, ложится в воду и сама превращается в воду.

Я поморщился:

– Только этого и не хватало!

– Как-то, – продолжил он, ускоряя речь, – рассказал мне в слезах, она легла на краю ручья на поваленном дереве и, опустив руку, коснулась воды кончиками пальцев. Он не поверил глазам, но вода побежала снизу вверх! Облекла руку, поднялась к плечу, начала охватывать все тело, какой ужас! Зато рука сама стала журчащей струйкой воды. Понятно, стекла в ручей, а за ней ушло следом все то, что было ее телом.

– И что? – спросил я, чувствуя необходимость вывести его на балкон и указать на небо с грозно нависшим Маркусом. – Пришла на ночь, ушла утром. Идеальная жена! Каждый бы мечтал о такой.

– Увы, – ответил он со вздохом. – Сосед графа Эдгара, барон Тердер, решил в целях орошения построить дамбу. Взял

и перегородил ручей выше по течению. Понятно, граф Эдгар в страхе потерять такую возлюбленную немедленно собрал дружину и пошел войной на барона, однако потерпел поражение. Взбешенный барон Тердер в ответ осадил замок влюбленного графа, требуя сдачи или хотя бы компенсации, что покрыла бы нанесенное оскорбление.

Он умолк, ожидая моего решения, а я стиснул челюсти и на мгновение прикрыл глаза, чувствуя тоску и неясную злость. Мир рушится, все повисло на волоске, а они мучаются и страдают из-за неразделенной любви. Куда мир катится?

– Барон, – ответил я, – это ваш человек, вы и решайте. Если все погибнет, графу зачтется его неразделенная любовь, потому что настоящая любовь – это неразделенная. Остальные – подделки. Все, барон, идите!

Как только он исчез за дверью, я подошел к стене, коротко зыркнул в сторону комнаты, где прилежно трудится сэр Жерар, набрал в грудь воздуха и, повернув кольцо Хиксаны Дейт, шагнул прямо в прикрытый гобеленом камень.

Защитные заклęcia заклүтиями, но я вообще убрал здесь дверь, заложив проем гранитными блоками, чтобы никакого прохода, просто стена, сплошная стена.

Чародеи ухитряются призывать именное оружие с помощью магии, я это заклүтие тоже усвоил, хотя и не в полной мере, но сейчас все не так просто, далеко не все оружие подчиняется вот так сразу, есть и вообще бесчувственное.

Стена не слишком толстая, однако всегда страшновато

проходить, задерживая дыхание, сквозь камень, потому с облегчением вздохнул, оказавшись в своем потайном арсенале.

Плащ Каина висит на вбитом прямо в стену медном крюке, ничем не примечательный, преобразаться может только на плечах владельца. Вряд ли таким был изначально, скорее всего за тысячи лет обрел новые свойства, либо развил и расширил старые. Вещи тоже умеют учиться от хозяев, если те чего-то да стоят, а Каин все-таки создатель современной цивилизации, Адам тут и рядом не стоял, разве что несколько капель крови Сифа присутствуют теперь почти в каждом человеке.

Я с грустью окинул быстрым взглядом множество вещей, которыми так и не воспользовался: волшебная раковина, ею можно призвать корабль-призрак, множество мечей с непонятными пока свойствами – Зеленый, Травяной, Красный, Озерный, куча гемм, из которых можно вырастить целые здания и комплексы...

А те штуки, которые подобрал с погибшей Хиксаны Дейт, я же захватил даже ее платье, не только кольца с обеих рук, но пока пользуюсь одним-единственным, что позволяет проходить сквозь стены.

Прикосновение к плащу Каина погрузило в лютый холод, однако на этот раз только на мгновение. Я перевел дыхание и набросил его на плечи.

Жар Терроса и первозданный холод плаща воспламенили ту мощь, что дремлет в каждом из нас, но обычно так нико-

гда и не просыпается. Я огляделся, сердце стучит сильно и с вызовом, а все тело требует немедленной тяжелой работы.

С глаз словно упала пелена, все предельно четко, ярко, хотя вообще-то не жалуюсь на зрение, даже могу, сфокусировавшись, рассматривать вдали всякие мелкие предметы, хоть это и нелегко.

Плащ Каина на плечи и меч Вельзевула в могучую длань – могу на равных сражаться хоть с самыми могущественными ангелами, хоть с архидемонами ада.

– Вот теперь повоюем, – сказал я шепотом. – Вот теперь...

Такие вещи, ясно и громко сказал внутренний голос, подобны наркотику. Человек, опьяненный могуществом, не замечает, как сжигает себя и как становится уже зверем. Да и могущество свое начинает переоценивать, на чем и попадает.

Горькая улыбка раздвинула губы. Никакой меч и никакие волшебные доспехи не помогут выстроить идеальное королевство.

– Но пока подеремся, – ответил я и, задержав дыхание, ломанул обратнo через стену в кабинет.

На этот раз прошел, как через плотный туман, сам не поверил такой легкости.

Сэр Жерар вошел в кабинет, не дожидаясь зова. Окинул меня внимательным взглядом, но плащ Каина принял такой парадный вид, что император счел бы за честь набросить его на плечи, а что из ножен торчит рукоять меча Вельзевула,

поймет только тот, кто видел меч властелина Ада.

– Ваше Величество...

– Отбываю, – ответил я тепло, – увидимся после великой битвы с Маркусом.

– Ваше Величество?

– Удержите, – велел я, – государственный корабль на плаву, дорогой друг! Это ваша задача. Трудная, знаю. А завалы разгребем, когда вернусь.

Он покачал головой:

– Это нечестно, Ваше Величество. В бою я должен быть с вами.

Я улыбнулся:

– А вдруг обойдемся без драки? Вдруг просто недоразумение? Я же по натуре миротворец! Ненавижу войной получать то, что могу взять без всякого мордобития!

– Ваше Величество, – ответил он невесело, – а кто бы отказался? Разве что совсем уж... Мне отвернуться?

– Вы мой государственный секретарь, – ответил я. – Самый доверенный в кабинете. Вы знаете то, что не следует знать другим. Но даже вам не покажу всего.

Он проговорил осторожно:

– Но сейчас вы облачаетесь для опасной битвы... еще не с Маркусом?

– Сэр Жерар, – ответил я со вздохом, – под кем лед трещит, а под нами ломится. Сперва нужно подавить мятеж восставших... три ха-ха!.. ангелов в аду. Там светлые и темные

вместе. А давить будем тоже с темными и светлыми, но нас больше, так что если не шапками, то трупами закидаем, ангелов не жалко.

Он отшатнулся, шокированный:

– Ваше Величество?

– Мы слишком доверились посредникам, – пояснил я горько. – Церковь – это посредник между нами и Творцом. Она в общем-то толкует его слова и законы правильно, однако в своем понимании, потому с течением времени все больше и больше уходит в сторону от тех слов и законов, что вписаны в этот мир.

– Ваше Величество?

– Мы обязаны сами читать священные книги, – пояснил я. – Нельзя все передоверять священникам. Лютер был прав, ох как прав!.. Ведь там записано, что Господь создал мир, отдал его человеку, объявив его наследником, и заставил ангелов поклониться! А это значит, ангелы должны повиноваться нам, сэр Жерар.

– Ваше Величество!

Я с укором посмотрел на его испуганное и шокированное лицо.

– Вот-вот, они ж такие могущественные, исполненные величия, сверкающие! Как такие могут повиноваться жалкому человеку? Мы сами себя умаляем. Хуже того, сами ангелы в конце концов, не получая от человека указаний, поверили, что они выше. Я говорю не о мятежных, те отказались сразу,

а о тех, кто сверг Люцифера с небес.

Он смотрел с ужасом.

– Ваше Величество... на этот раз вас ждет жестокое и немедленное поражение. Ангелов нельзя себе подчинить!

– Почему? – спросил я. – Ладно, я не смогу, но если сошлюсь на повеление Всевышнего?

Он ответил со вздохом:

– Всевышний создал настолько совершенный мир, что все в нем должно идти без Его вмешательства. Если вынужден будет проявить в чем-то себя, то это же должен как бы признать, что не сумел что-то сделать правильно?

– Рассуждаете верно, – признал я с тревогой, – но все же я надеюсь. Во всяком случае, выиграю неизмеримо много...

– ...если повезет, – договорил он.

– Да, – согласился я, – элемент удачи тоже нельзя сбрасывать со счета. Но, мне кажется, Господь творил мир, пренебрегая простой логикой. Иначе сейчас бы в нем царствовал Сатана.

Он поклонился, молча вернулся в свою комнату. Я выждал, слушая, как он усаживается в скрипнувшее кресло, мои руки чуть дрогнули, когда пальцы коснулись черной короны, но задержал дыхание и начал как можно отчетливее представлять долину отца Миелиса.

Глава 3

Зеленый холм все так же окружен тройным рядом копеечников, за ними готовые к стрельбе лучники, а на вершине страшно блещет в немыслимой и жуткой красоте снежно-белая башня, нечеловечески прекрасная, похожая по форме не то на початок кукурузы, не то на сахарную голову.

Дизайн ушел слишком далеко от нынешних представлений о красоте, даже мне чаще всего кажется зловеще уродливой и лишь иногда странно и настолько недостижимо прекрасной, что начинает болезненно ныть в груди.

За моей спиной стены Штайнфурта, я повернулся к нему и через несколько минут уже входил в главный городской собор. В залах торжественная тишина, из высоко расположенных окон на пол падают широкие косые лучи света.

Отец Дитрих отечески раздает пастырские наставления молодым священникам. Я скромно постоял в сторонке, наконец он отпустил их и повернулся ко мне.

Я поцеловал ему руку, почтительно усадил на скамью и, дождавшись позволения, сел рядом.

– Глаголь, сын мой, – разрешил он.

– Отец Дитрих, – сказал я, – похоже, Господь в самом деле ценит и любит нас, если возлагает на плечи одну задачу за другой, и каждая тяжелее предыдущей.

Он взглянул с беспокойством:

– Что-то еще?

– Помните, – сказал я, – как в прошлый раз мне довелось разглагольствовать... нет, просто глаголить о преступной группировке среди ангелов? В которую вовлечены некоторые из правоохранительных структур? То бишь из небесных ангелов, призванных бдить, тащить и не пущать?

Он кивнул:

– Помню.

– Я переговорил с некоторыми из правоохранительных, – сказал я. – Выяснилось, верха не в курсе. Теперь сами негодуют и готовы помочь в ликвидации преступников во время ареста и предполагаемой попытки если не сопротивления, то к бегству.

Он сказал с облегчением:

– Прекрасно! Это облегчает.

– Трудность в том, – сказал я, – что ангелы не могут убивать ангелов. Им дано только повергать, низвергать и низлагать, но ниже ада спихнуть некуда. Потому зримо, что война прежними методами зайдет в тупик!.. Если, конечно, будет вестись традиционными негуманными и малоэффективными способами.

– Продолжай, сын мой.

Я перевел дыхание, заговорил с подъемом, которого не чувствовал, но изображать уже научился:

– Но если ввести в бой абсолютное оружие, исход сражения будет иным.

Его лицо стало строже.

– Абсолютное... Если ты о...

– Вы угадали, – ответил я. – Предполагаю бросить в бой самый страшный резерв: человека!.. Кстати, ангелы ада это уже сделали, освободив содержащихся там преступников и приняв в свое войско за обещание дать им право убивать и грабить священников и насилловать монахинь.

– Кошунство, – произнес он с негодованием.

– Да, – сказал я горячо, – как можно монахинь? Но благодаря такому щедрому и заманчивому обещанию у них теперь миллионы самых закоренелых злодеев, чьи удары для ангелов, облекшихся плотью, уже не будут простой щекоткой!

Он помрачнел, перекрестился.

– Я знал, человеку суждено подниматься до высот, но не думал, что это будет вот так кроваво. Да и не назвал бы это высотой. Но, сын мой, после той битвы за холм с маяком Древних я долго думал насчет сотрудничества с темными ангелами... Возможно, твоя смелая догадка верна: часть из них раскаялись и мучительно ищут способы покаяния.

– Это точно, отец Дитрих!

Он вздохнул, на лицо набежала тень, и после долгого молчания сказал совсем упавшим голосом:

– Я чувствую твою страсть и вижу, куда стремится твой юношеский дух... Однако меня страшит высота, на которую нам предстоит подняться. Я не уверен, что мы уже выросли настолько, чтобы тягаться с ангелами.

– Не на равных, – сказал я поспешно, – этого я не говорил! Но можем высказывать свои пожелания и аргументировать их весьма весомо.

– Этого достаточно?

– Та часть ангелов, – договорил я, – которых мы убедим, и те, которых переубедим, примут нашу позицию!

Он сказал с сомнением:

– Но спорить с ангелами... Тем более переубедить...

– Отец Дитрих, – сказал я почтительно, – ангелы сильны и могучи, но просты и бесхитростны. Люцифер, сочтя слова Творца глупостью, отказался поклониться человеку, а тот же Михаил, вскипев гневом на такое непослушание, немедленно собрал войско и ударил на мятежников всей мощью! В то время человек, даже не самый умный на свете...

– Продолжай, сын мой.

Я продолжал с усилием:

– Человек же, битый и тертый этой жизнью, сперва бы спросил себя: если Творец настолько гениален и всевидящ, то как он мог так ошибиться?..

Он медленно кивнул:

– Ну, если подумать...

– Вот-вот, – сказал я горячо, – люди постоянно сталкиваются с тем, что мир может быть не совсем таким, каким кажется с первого взгляда. Человек все-таки усомнился бы, что Творец допустил ошибку.

Он сказал благожелательно:

– Продолжай, сын мой.

– Непонятные слова, – рассуждал я, весьма ободренный, – или поступки мудреца могут говорить о том, что это сам человек что-то не понял! Не обязательно же именно мудрец сглупил. Ангелы, увы, существа простые и бесхитростные, как дети. Дети тоже уверены, что правы только они, а все родители – дураки набитые.

Он усмехнулся, но кивнул молча, разрешая продолжать. Я говорил с подъемом:

– Наблюдая, как Всевышний создает мир, ангелы все понимали и радовались творению земной тверди, небесных светил, звездному небу, лесам, горам и рекам, а потом – множеству животных, птиц, рыб... Но когда Всевышний создал человека, самого жалкого среди существ, который не то что со львом, даже рядом с козой проигрывал, то удивились, а когда Он сообщил, что это и есть Его наследник и преемник, все ангелы просто усомнились в Его рассудке.

Он коротко усмехнулся:

– Разве все?

– Думаю, все, – ответил я. – Только такие, как Михаил, остались лояльны Творцу в любом случае, а подобные Люциферу, увы, предпочли отстаивать свою позицию. И все потому, что не поверили в то, что им не все понятно из того, что Творцу ясно, как Его же божий день.

Он тяжело вздохнул:

– Тут ты прав, сын мой. Человек столько встречает в жиз-

ни непонятного и противоречащего его пониманию, что научился с этим жить с надеждой, что когда-то поймет... попозже. Но хорошо изготавься к трудному разговору и собери побольше веских доводов.

– Каждую минуту готовлюсь, – признался я. – Слишком много поставлено на... гм... чашу весов. Но...

Он прервал:

– Я переговорю с иерархами.

– Отец Дитрих?

– С иерархами церкви, – пояснил он несколько отстраненно. – Папа непогрешим, но его непогрешимость народ понимает совсем не так, как есть на самом деле. Я жду тебя через час, сын мой!

Я преклонил колено, поцеловал руку и, медленно поднявшись, в церкви нельзя делать резких движений, отступил и вышел в солнечный день.

Непогрешимость папы, стучала в голове злая мысль, во все не значит, что все, сказанное папой, непреложная истина. На самом деле коллегия кардиналов долго и тщательно обсуждает каждое новое положение или даже крохотную поправку к церковным обрядам или воззрениям, вытютюливает каждую буковку, проверяет и перепроверяет, а потом папа зачитывает этот декрет с балкона своего дворца перед собравшейся многотысячной толпой, и с того момента сказанное считается непреложным, чтобы пресечь возможные толкования, сомнения и ереси.

Отец Дитрих намекнул достаточно прозрачно, что до народа доходит только изреченное папой, и всем кажется, что здание церкви монолитно, хотя на самом деле, как понимаю, церковь слишком громадная организация, чтобы в ней все и во всем было абсолютно идеально. Церковь строилась людьми, в основном – честными идеалистами, но она рассыпалась бы вскоре, не подключись к ее строительству люди практичные, хитрые, умелые и зачастую корыстные.

А эти, умелые и корыстные, в постоянной борьбе друг с другом как на личном уровне, так и на уровне группировок, которые я называю организованной преступностью, очень уж мне нравится эта готовая формулировка, люблю пользоваться чужими, пусть думают, что это я такой умный.

В полумиле от замка лорда Робера де Флера из земли торчат камни, остатки древних циклопических сооружений. Во всей долине отца Миелиса, голой и ровной, как поверхность столешницы, если не считать холма со скардером, это единственное место, где можно появиться внезапно, не вызвав моментально испуганно-заинтересованные взгляды.

Я пристально всматривался в слабо мерцающее по краям окошко с серой бесцветной картинкой, словно там ночь, наконец поймал взглядом проплывающие мимо остатки стен, где камни выше моего роста, сказал себе «стоп», набрал в грудь воздуха и произнес молча, но громко и властно, что я изволю появиться там.

Сердце все еще стучало в страхе, никак не привыкнет, од-

нако ступни уперлись именно в то место, которое я еще с той стороны зафиксировал взглядом.

Солнце ослепило глаза, с испуганным криком взметнулись гнездящиеся в руинах птицы. Я проморгался, сказал почти шепотом:

– Азазель... Азазель, ты как?

Несколько мгновений ничего не происходило, затем вдали возник темный смерч, моментально переместился в направлении к руинам.

Я успел подумать, что ангелы всегда являются людям в своем истинном облике: существами из первозданного света, это впечатляло наивных дикарей настолько, что падали ниц и принимали все, что скажут с небес, с трепетом и благодарностью.

Однако существа из света в этом мире всего лишь посланцы воли Создателя, а чтобы реально передвинуть хотя бы песчинку, им приходилось воплощаться в реальные тела. Живая плоть не требуется, достаточно таких стихий, как воздух, огонь, вода, и вот уже ангел в телесном облике способен двигать камни и даже целые скалы, что и позволило перестраивать ужасающий ад для создания собственного комфорта.

Однако это и налагает понятные ограничения. Передвигаться со скоростью мысли уже не получится, а самое главное – такое тело смертно. Правда, сам ангел, высвободившись из него, возвращается в свой мир, откуда со временем снова

сможет, если сумеет преодолеть тот ужас, который охватывает его в момент гибели тела, в котором жил.

Хотя мятежные ангелы, все это время вынашивая планы мести, все-таки сумели отыскать варианты, когда можно лишать жизни и бессмертных. Как мне кажется, и не без оснований, подсказали умельцы, купающиеся в котлах с кипящей смолой.

Я сам опробовал эту возможность, убив бессмертного, после чего, естественно, Вельзевул постарается вооружить таким оружием как можно большее число своих сторонников.

Азазель вышел из распавшегося вихря веселый, загорелый, франтоватый, дружески кивнул.

Я спросил шепотом:

– Ну ты как, что-нибудь узнал?

Он посмотрел несколько странно:

– Что с тобой? Как будто год не виделись!

– Прости, – сказал я виновато, – эти скачки туды-сюды так время сдвигают! Кажется, год прошел.

Он кивнул, лицо стало деловитым:

– Вообще-то в самом деле узнал.

– Ну, не томи!

Он понизил голос:

– Ад место не слишком-то радостное, знаешь? Особенно для ангелов. Но мятежные хоть и пали духом после поражения, но поневоле начали обустриваться. Сперва там, где оказались. На это ушло времени... несколько столетий. Там

и образовался тот ад, о котором все знают.

Я пробормотал:

– Начинаю догадываться.

– Правильно начинаешь, – заметил он. – Большинство там и обитали, но нашлись такие беспокойные, что постепенно начали по щелям и пещерам пробираться еще глубже, отыскивать намного более ужасающие места с огненными ручьями и реками, фонтанами горячей грязи, грохотом, дымом, гарью...

– Понятно, – сказал я. – Именно там новые заговорщики и свили гнездо? Я имею в виду, построили тренировочные базы?

Он кивнул:

– В самом неприступном месте. По слухам. Но пока еще не знаем, где они. Только примерно.

Он засмотрелся, как в нашу сторону мчатся, стараясь обогнать одного, Бобик и Зайчик, оба жульничают, пытаются помешать друг другу, и потому добежали к нам ноздря в ноздю.

Я принял порцию уверений в любви со стороны Бобика, обнял и погладил по носу арбогастра, это начиная от ушей.

Азазель наблюдал с кривой усмешкой. Я сказал задето:

– А твой конь так может?

Он покачал головой:

– Сам знаешь, что нет. Твоих собаку и коня создавали люди.

– А люди, – сказал я с нежностью, – все делают с любовью. Ну, конечно, если это не касается других людей. Ну там брошенных щенков подбираем, пингвинов готовы от чего-то спасать.

Он смотрел с недоумением, я снова погладил подсовывающего голову Бобика, сказал с натужной бодростью:

– Но ад – хорошо, пусть даже и неприступное место. Зато концентрируются. С одной стороны, опасно, легче накапливаться для выступления, с другой – не нужно вылавливать поодиночке и ломать суставы.

Он отстранился, в глазах появилось недоумение.

– Ломать суставы? Зачем?

– А как узнать, – удивился я, – кто заговорщик, а кто просто погулять вышел? Можно, конечно, срывать ногти, засовывать раскаленный прут в задницу...

Он дернулся.

– Перестань!.. Не знаю, о чем думал Господь, когда создавал такое существо, но я почти понимаю и этих новых мятежников!

– Человек должен быть разносторонним, – сказал я строго, – и развивать все заложенные в него возможности, а не только один гуманизм, экстремизм или плюрализм!.. Или плюрализм не отсюда? В общем, человек должен быть богатым духовно, не только односторонним иисусиком. Мы должны быть богатыми!.. Потому пойдем с вами, правыми и левыми, дабы сокрушить империалистическую гидру, воз-

желавшую!

Он вздохнул:

– Ничего не понял, но идти придется только ангелам. Хотя, конечно, вам тоже, дорогой темно-светлый паладин, можно. Только в самом хвосте. Или, как вы говорите красиво, в арьергарде.

– А как, – спросил я коварно, – будут убивать ангелов? Если с той стороны начнут почему-то немножко убивать их?..

Он наморщил лоб.

– Думаем, – ответил он с неохотой. – Вельзевул думает, Асмодей, а также вся верхушка ада, не желающая переворота... Понимаешь, мятежники взяли в свою армию преступников, что отбывали наказание в аду. Их миллионы! А что сможет небесный легион?

– Призовем добровольцев, – предложил я. – Азазель, ты не знаешь людей! Они с удовольствием пойдут и в ад, если пообещать свободу грабить и насиловать!.. Но, конечно, объявить громко, что убивать и грабить идем не просто так, а то не пойдут, это же нехорошо, а за веру, честь, свободу и либеральные ценности. Мы должны хорошо выглядеть перед детьми.

– У тебя уже дети?

– Перед молодым поколением, – уточнил я уклончиво. – Должны показывать только хорошее. И в летописи войдем как гуманисты, что принесли даже в ад освобождение от тирании, гнета и неточно понятых политических учений. Так

что, Азазель, не надо неверно применяемой дискриминации!

Он поморщился:

– Если хочешь погубить каких-то людей... что ж, бери с собой. Из ада не выберутся точно. Может быть, какую-то пользу принесут. Пока будут гореть, враг на них засмотрится, тут по нему и ударим.

– Добрый ты, – укорил я. – Но, конечно, нам нужна победа, одна победа, одна на всех, и за ценой не постоим, пусть горят... если для пользы. Но если только для твоего удовольствия, то обойдешься. Нужнее уничтожить очаг поджигателей войны!.. Это главное, если ты не догадываешься. Ты выясняй, где сосредоточены их основные силы, чем вооружены, а я буду координировать это мероприятие с нашими ах-ах светлыми и до того безгрешными ангелами, что противно, будто классику читаю.

– Что, – спросил он с интересом, – даже так?

– Однако безгрешность, – уточнил я строго и даже чуть было не перекрестился, – наш идеал! К счастью, тьфу-тьфу-тьфу и еще раз тьфу, недостижимый.

– Ну еще бы, – сказал он с таким сарказмом, что трава у его ног пожухла и легла на землю. – Какая уж тогда разносторонность!.. Хорошо, общайся с Михаилом. Мы не враги, так как я в той войне не участвовал, но все равно не люблю его.

– Как и он тебя, – заметил я. – Почему?

– Он принимает только тех, – ответил он, – кто тогда дрался с ним плечо к плечу против общего врага. А ко мне даже

не знает, как относиться...

– Я сперва еще разок пообщаюсь с отцом Дитрихом, – сказал я. – Хочу ему поручить деликатную работу.

– И ему, – уточнил Азазель.

– Да ладно, – возразил я, – кому я что поручаю? Все добровольцы. Либо идут с нами, либо мы их вешаем. У человека всегда должен быть выбор, как сказал Господь.

– А что поручишь твоему церковнику?

– Когда войдем в ад, – сообщил я, – вторгнемся с миротворческой миссией принуждения к миру и демократии, то надо, чтобы за нами перекрыли выход. Нет, мы не штрафбат, просто эти сволочи, новые мятежники, могут обойти нас тайными тропами ада и вырваться на свободу. Здесь у нас свобода, не слыхал? Ну, все относительно... А на свободе да без чистой совести такого натворят! По себе знаю.

– Армия церковников, – сказал он понимающе, – да, в наступлении они полное ничто, но оборону держать смогут.

Я сказал тихо:

– Плюс маги.

Он покрутил головой.

– Всегда поражался, как ухитряешься держать их в одной войске и не дать перерезать друг другу глотки.

– Я им всегда подкидываю общего врага, – сообщил я военную хитрость. – А пока дерутся плечом к плечу, могут пусть не подружиться, но столерантничать и помультитурничать на благо общего дела построения авторитарной

демократии с моим человеческим лицом. А потом, глядишь, что-то и построим.

В его глазах я увидел багровый огонь приближающегося Маркуса, а когда он заговорил, я уловил почти человеческую симпатию:

– Ты и мысли не допускаешь, что все погибнет... Как это по-человечески!

– Мартин Лютер как-то изрек, – сообщил я, – или изречет, что если ему скажут, что завтра конец света, он сегодня все равно посадит дерево.

Он вздохнул, поднялся.

– Я отбываю.

– На коне? – спросил я. – Все равно забери, а то собаки воют, когда твоего облого зрят.

– Собаки видят больше, – согласился он. – А людям и не обязательно. Люди обожают обманываться.

Глава 4

Он исчез в мгновение ока, меня это все еще поражает, он же во плоти, а это значит, лишен возможности перемещаться, как ангелы. Значит, отыскал некую могучую магию, молодец, вживается в нашу жизнь.

Я поднялся в седло и повернул арбогастра в сторону собора, Бобик громко ахнул, в больших глазах обида, непонимание и вопрос крупными буквами: ну какая там охота? Я так давно гусей не ловил! А какие в соборе гуси?

– Есть там гуси, – заверил я. – Еще какие! Сытые, откормленные... Но ловить их, увы, браконьерство и посягание на власть церкви, так что мы пока не посягатели, секуляризация еще впереди.

Ворота распахнуты, народ выходит, крестясь, но лица просветленные. Что не отнять у церкви, так это умение давать людям утешение и душевный покой, а также настраивать их на благополучный исход любого хорошего дела.

Отец Дитрих медленно переворачивает листы толстой старинной книги, но не Библии, ту узнаю издали. Я приблизился осторожно, страшась помешать его чтению, однако отец Дитрих встрепенулся, поднял голову:

– Сэр Ричард?

– Да, – ответил я, – удалось переговорить тут с... некоторыми, помощь обещана. Без всяких условий.

– Прекрасно.

– Только, боюсь, ее будет недостаточно.

– Что случилось?

– Говоря откровенно, – сказал я, – небесный легион все это время упивался победой и хлебалом щелкал, а мятежники копили злобу и тайком готовились к реваншу. За несколько тысяч лет они наверняка преуспели! Сейчас их тайную базу и тренировочные лагеря всячески ищут как светлые, так и темные.

Он перекрестился, но лицо оставалось тревожным.

– Слава тебе, Господи, хоть что-то делают вместе!

– Не совсем так, – признался я. – Ищут темные, а светлые как бы поддерживают. Хотя мы и говорим, что падшие ангелы не пользуются милостью Господа, но это брехня, мы это знаем.

Он сказал мирно:

– Все на свете пользуется милостью Господа!

– Золотые слова, отец Дитрих! – сказал я с восторгом. – Только одни большей милостью, другие меньшей. Не пользуйся мятежные ангелы милостью вовсе, Господь бы просто стер их из мира! Но Он и там, в аду, дал им полезную работу.

– Гм...

– Полезную для общества, – уточнил я. – Они по его заданию обустроили сложную и богато разветвленную пенитенциарную систему со сложной иерархией, множеством наказаний, чтобы именно за содеянное и ничего лишнего, раз-

личные виды карцеров и в то же время один день в неделю для отдыха... Это чтоб в день Страшного Суда на свободу с чистой совестью! Однако, отец Дитрих, тревожно то, что мятежники знают все о силах небесного легиона и легиона ада, а вот мы о них ничего не знаем.

Он тяжело вздохнул:

– Это понятно, они готовились долго и тщательно. Но пока ты, сын мой, общался с... осведомителями, я договорился в некотором ином роде. Тебя встретят и примут немедленно. Дело неотложное, там понимают.

Я переспросил:

– Отец Дитрих, встретят где?

Он со вздохом потер лоб:

– Я не сказал?.. Третью ночь без сна. Встретят в Ватикане. Кардиналы Гальяниницатти и Гольдонини. Я им доверяю. В определенной степени, конечно, введут тебя в курс дела и помогут по мере своих сил. Гальяниницатти, кстати, был простым крестьянином, когда пошел в священники, а теперь один из высших и влиятельнейших кардиналов! Он самый мудрый в конклаве!

– Благодарю, – сказал я ошалело, – но... какая необходимость?

– Ты Дефендер, – напомнил он. – Дефендер Веры. В случае крайней необходимости можешь получить доступ к некоторым вещам в Ватикане, которые хранятся пуще зеницы ока. В подвалах под папским дворцом есть тщательно

охраняемые склады, где хранятся наши священные реликвии.

– Реликвии? – переспросил я. – Тогда почему их не выставить на всеобщее обозрение? Это только прибавило бы церкви мощи и популярности.

Он взглянул косо.

– Сын мой, – произнес несколько сварливо, – церковь не нуждается в еще большей популярности! Но как выставить, к примеру, жезл Моисея, которым пророк распахнул море, открыв проход беглецам?.. Народ тут же начнет требовать, чтобы церковь начала проводить ручьи к их огородам!

– Это бы можно, – пробормотал я, – если бы народ продолжал работать. Но они сразу же сядут на завалинку и будут ждать, что чудеса создадут им счастливую жизнь. Понимаю. Но боюсь поверить, что мне может что-то обломиться!

– Я на это надеюсь, – ответил он уклончиво. – Если мы приняли решение дать бой Маркусу, нужно использовать все средства!

– Еще бы...

– Даже их, – сказал он горько, – может оказаться недостаточно, чтобы сломить мятежников. А уж Маркус... Потому, сын мой, отбывай немедленно.

Я помялся, спросил осторожно:

– Однако... весьма как?

Он зыркнул из-под насупленных бровей.

– Думаю, – ответил приглушенным голосом, – у тебя есть

некоторые средства.

Я посмотрел по сторонам, тоже понизил голос:

– Однако как на это смотрит церковь?

– Церковь против, – ответил он ясным голосом. – Ты сам только что сказал, что если простым людям дать пользоваться чудесами, они перестанут трудиться в поте лица своего, как неспроста завещал Господь. Потому ни чудес, ни древних вещей как бы не существует. А прибегать к ним должно только в случае крайней необходимости. Самой крайней! Да и то так, чтобы простой народ не знал. Нам можно, ему нельзя.

Я вздохнул с облегчением:

– Рад, что церковь это понимает.

– Отцы церкви, – сказал он строго, – мудрецы, а не фанатики. Они знают по опыту, когда нужно проявить строгость, а когда и снисходительность. Человек слаб, и мудрая церковь именно для таких случаев выработала основополагающую формулу: «Чего делать нельзя, того делать нельзя, но если очень-очень хочется, то можно».

– Мудро, – ответил я. – Лучше разрешить, а потом велеть покаяться, чем дать нарушить закон по-серьезному. А то потом, раз уж все равно нарушитель и грешник, вовсе пойдут в разбойники! Хорошо, отец Дитрих. Вы вдохнули в меня, так сказать. Еще не понял, что вдохнули, но я весьма! Одна беда...

– Слушаю.

– Я не могу попасть в места, – признался я, – в которых не бывал... если хочу вот так фуксом.

– У меня талисман из Ватикана, – сообщил он. – Для экстренных случаев. Нет, передать не могу, но помочь... Надеюсь, получится.

– А как обратно? – спросил я. Спыхватился, сказал виновато: – Ах да, что это я совсем туплю. Спасибо, отец Дитрих!

– Только насчет ангелов, – предупредил он, – рассказывай там осторожнее. Даже в Ватикане это приемлют не все, хотя взгляды кардиналов и папы гораздо шире, чем у деревенских священников.

– Я исхожу, – объяснил я с осторожностью, – из того, что могущество ангелов осталось таким же великим и неколебимым. Это несомненно, я не оспариваю и даже не оспариваю... Думаю, Ватикан против этого ничего не скажет.

– Разумеется.

– Однако слабый человечек, – уточнил я, – развивался, усложнялся, становился сильнее, хитрее, изворотливее и мудрее.

Он покачал головой:

– Однако ангелы... это ангелы! Про них в Ватикане нужно говорить, уважительно понижая голос.

Я перекрестился и сказал твердо:

– Признаю величие только Господа нашего. Ангелы же – лишь слуги. Даже не близкие, а так... дальние. Лишь гонцы. Я же кланяюсь и признаю только силу, мудрость и величие

Творца нашего.

В его взгляде что-то неуловимо изменилось, я даже не понял, обратил ли внимание, что я избегаю упоминать имя Иисуса, а если обратил, то хорошо бы отложить этот спорный и тяжелый для выяснения вопрос до лучших времен.

Похоже, отец Дитрих так и подумал, вздохнул и сказал устало:

– Да, конечно, мудрость Творца превышает всего. Мы никогда не познаем ее всю до тех пор, пока не окажемся с Ним рядом в Царстве Небесном.

Так Он все и откроет, мелькнула мысль, а как же. Творец создавал человека по своему подобию, а я хрен откроюсь до конца даже перед самыми близкими.

– Спасибо, отец Дитрих, – сказал я. – С вашим благословением приступаю к операции зело бодро и бяше. Спасибо!

Бобик и Зайчик поглядывают настороженно, я слез, обнял их по очереди, потом обоих разом, пошире раскидывая руки, они у меня в самом деле длинные.

– Даже не знаю, – признался им шепотом, – как среагирует святой Ватикан на мою черную корону Темного Мира?.. Как думаете?

Даже арбогастр почти завилал хвостом, уверяя, что меня все и всюду должны принимать всякого, в чем вообще-то я сам абсолютно уверен, но только люди в основном такие темные дураки, что такой простой истины в упор не видят.

– Одна надежда, – шепнул я, – что в Риме не дураки. Тем более в Ватикане. Дураки такое не создадут...

На всякий случай, я же Дефендер, а не вояка, снял с пояса молот и меч Вельзевула и повесил их на седло. Зайчик с Бобиком у меня умницы, никому не позволят их взять. Помешкав минуту, снял и плащ Каина, сунул его в седельную сумку. Все-таки в святое место собрался, лучше не брать с собой эти вещи. Достаточно и того, что Черная корона будет при мне. Кончики пальцев почти привычно коснулись браслета на предплечье, но поспешно отдернул, еще помню, как корезит, да еще и занести может не туда, куда велишь, задержал дыхание и, ощутив на ладони мертвящую тяжесть короны, поспешно поднял ее обеими руками.

Последнее, что увидел, обиду в честных детских глазах Бобика. Чернота сомкнулась вокруг меня и тут же исчезла, а подошвы уперлись в крупнозернистый песок с чахлой травой.

Рим расположен на семи холмах, я пришел в себя на вершине одного из них, но хоть и вроде бы самый верх, однако вокруг шумный и богатый базар, так почудилось в первое мгновение. Все пестрые, богато и вычурно одеты, веселые, живой говор, смех, вереницей проезжают щедро украшенные вензелями и гербами повозки, кони с султанами. В сторонке продают только что выловленную рыбу, толстую и жирную. И лишь чуть спустя понял, что это не базар, а просто сам Рим, щедрый и роскошный. Потому, что не любит

воевать. А если и воюет где, то вдали и чужими руками, а здесь только дух свободы, поэзия, скульптуры у каждого дома, на всех площадях монументальные памятники...

На меня лишь покосились чуть, то ли одет слишком уж чужестранно, хотя тут настоящий Вавилон, то ли заметили, что появился я из ниоткуда, но потоки народа разъединили нас, унесли в разные стороны, и больше я никому не казался странным, мало ли какие и в чем бывают паломники к святым местам.

Солнце словно бы из другого мира, яркое и блистающее настолько, что все сияет. Воздух теплый и в меру влажный, море близко, однако люди одеты, как мне показалось, слишком уж, но это не от холода, одежда лучше всего гласит о статусе. Издали видно, что идет человек богатый и уважаемый, как и водоноса или торговцев рыбой сразу заметишь и не пройдешь мимо.

Если мне казалось, что в Сен-Мари одеваются ярко в сравнении с обычаями северных королевств, то здесь само солнце и яркие одежды делает еще ярче, заставляет радостно блеснуть глаза и зубы, и весь мир кажется веселым, беспечным и просто вечным.

Я украдкой взглянул на небо, вздрогнул, голова сама по себе вобралась в плечи, словно у испуганной черепахи. Сердце стукнуло громче и тревожнее. Ладно, здесь Рим, город папы римского. Люди верят, что ничего не случится, пока на престоле наместник самого Господа.

А город в самом деле сказочно богат, к папе стекается десятая часть доходов всех церквей и монастырей, в каком бы королевстве те ни находились. Потому не только Ватикан, но и весь Рим в величественных дворцах...

В таком городе просто не может быть бедных, всякий получает хорошую плату либо на постройке и ремонте дворцов, либо на доставке еды и товаров. А товары в основном идут по статье роскоши, что позволяет обогатиться как торговцам, так и простым погонщикам мулов.

Я вышел на площадь, вздрогнул в благоговейном изумлении. На той стороне ансамбль дворцов, настолько великолепных, что воистину Царство Небесное на земле. Не знаю, удобно ли жить в таких вот, но смотреть, любоваться, наслаждаться зрелищем невиданной красоты, величия, взлета духа к невиданным высотам...

Вычислив взглядом папский дворец, я направился к нему твердым шагом, лицо суровое и строгое, взгляд сосредоточенный.

На входе неподвижные гвардейцы в ярких парадных одеждах, но рослые, крепкие, с суровыми лицами, еще не парадная гвардия, а настоящие армейские люди, готовые в любой момент вступить в бой.

Я подошел, сказал негромко и внушительно:

– Паладин Ричард. Меня ждут.

Один произнес громко, не отрывая от меня острого взгляда:

– Господин Лателло!..

Из сторожки по ту стороны ограды появился такой же рослый и могучий рыцарь в блестящих доспехах, но тоже не парадных. Для него распахнули калитку, но он остановился в проходе.

– Имя?

– Ричард, – ответил я и добавил веско: – Фидей Дефендер.

Он мгновение всматривался в меня очень внимательно, словно сравнивая мои параметры с теми, что уже в его черепе, наконец сказал медленно:

– Вас ждут, сэр Ричард. Проходите... Сержант Бельнер, проводите гостя к управляющему.

Из сторожки легко выскочил парень выше меня ростом, широкий и в массивной кирасе, надраенной и блестящей. На стальной груди во всю длину и ширину выпуклый барельеф в виде огромного креста с завитушками на окончаниях.

– Пойдемте, сэр, – предложил он. – Это близко.

Этот тоже, весь налитой силой, с двумя белыми шрамиками на лбу и над ухом, смотрится бывалым бойцом, несмотря на молодость, а когда мы пошли по вымощенной плитами дорожке среди роскошных зеленых растений, и он начал задавать вроде бы ничего не значащие вопросы, я вслушался в них и ответил мирно:

– Да, красиво у вас тут.

Он зыркнул исподлобья:

– У вас не так?

– Везде не так, – сообщил я. – Как зовут управителя?

– Господин Латераль. Латераль Пьяченца.

– Знакомое имя, – заметил я.

– Вы о нем слышали?

– Только имя, – ответил я. – Хотя, может быть, то было не совсем имя?

Он перестал посматривать испытующе, не каждый провинциал вот так все и выкладывает, дальше шли молча до самого дворца. Дорожка под ногами незаметно и плавно расширилась до вымощенной гранитом площади, впереди две ступени помпезного возвышения из белого благородного мрамора, на котором и расположено роскошное и вместе с тем величественно строгое здание делового типа.

Дворец оказался не совсем дворец, а нечто вроде исполинской беседки из мрамора, через которую вышли во двор, что опять же не двор, а нечто особое, вымощенное плитами из розового камня, три стены с колоннами и портиками, а вместо четвертой открывается прекрасный вид на великий и бессмертный город Рим.

На той стороне просторной площади розового камня пламенеют перила лестницы, что широкими ступенями уходит с холма вниз. Во дворе небольшой фонтан с бассейном, в трех шагах от него стол и полдюжины легких изящных кресел.

– Присядьте, – сказал сержант, – господин Пьяченца сейчас выйдет.

Я придвинул ногой стул, сержант посмотрел с неудоволь-

ствием, что за манеры у северного дикаря, но остался рядом, а я сел и мирно осведомился:

— А он что, видит нас с балкона?

— Он управляющий, — ответил сержант почтительно. — Поэтому все видит. Неважно, где он и чем занят.

— Хорошая особенность, — согласился я. — В некоторых случаях, правда. Иногда все же не хочется, чтобы тебя видели.

Он посмотрел косо, но остался неподвижным, словно я арестант, за которым нужен глаз да глаз.

Я сам тоже присматривался к немногим прошмыгивающим вдали под стенами служителям этого города-государства. В них странно сочетается величие их высоких постов с христианским смирением, двигаются неслышно, склонив головы и сложив руки на груди или животе, головы опущены, глазками не зыркают по сторонам, все думают о высоком, понятно.

Глава 5

Сержант подтянулся, я повернул голову, к нам подходит человек в черной рясе до пола, тоже с вроде бы опущенной головой, но глаза вперили в меня почти ощутимый острый взгляд.

– Сэр Ричард, – произнес он властно, – мы знаем о вашем прибытии и вашей важной роли, которую предполагается вам поручить.

Я поднялся, отвесил учтивый поклон.

– Ой, вот так просто? Я польщен, однако...

– Скажу сразу, – прервал он, – многие будут против, так что не надейтесь на легкую победу.

– А-а, – сказал я с облегчением, – и здесь не просто! Сразу от сердца отлегло.

Он сдержанно улыбнулся одними глазами.

– А сейчас покажу, где остановитесь на время своего визита. Кстати, можете снять свою защиту. На территорию Ватикана не проникнет ни один демон!.. А вы отдохнете...

– Не беспокойтесь, – заверил я. – У меня это безусловный защитный рефлекс. Или инстинкт, еще сам не понял. Как панцирь у черепахи, который она и не замечает. Потому и я снимать не буду, так как не знаю даже, как. Вы представляете себе черепаху без панциря?

– Не представляю, – ответил он честно, – но вы же не че-

репах?

– Еще какая черепаха! – заверил я. – А еще я мыслящий тростник и ощипанный петух с плоскими ногтями. И, конечно, ревностный христианин. Здорово?

Он посмотрел на меня весьма озадаченно, в Ватикане все медленные и важные, понимают свою значимость, каждый жест и каждое слово весомы.

– Возможно, – ответил он дипломатично после долгой паузы. – Так позвольте вас разместить?

– В каком смысле? – спросил я с подозрением. – Ах, вы о помещении в апартаменты... С удовольствием. Надеюсь, не в женский монастырь? А то я борюсь с соблазнами, избегаю по мере возможности всего слишком греховного.

– В Ватикане нет слишком греховного, – ответил он сдержанно, но я уловил ударение на слове «слишком», что и понятно, остаться совсем без греховности – это перестать быть человеком. – Вам не придется слишком уж напрягаться, отстаивая свою сравнительную непорочность.

– Это счастье, – сказал я со вкусом, – когда тебя понимают! Принять монашеский сан, что ли?.. Я же создан для неспешных и возвышенных бесед о высоком и чувственном, а я бегаю с высунутым языком за демонами и бью их по головам, словно зверь какой бессердечный!

Он с величественно-вежливым поклоном протянул руку, показывая путь, мне показалось, все еще пытается как-то прощупать, даже панцирь не зря предложил снять, как же,

щас сниму. Если бы умел, то еще глубже бы влез.

– Здесь неспешная жизнь, – сказал я почтительно, – ваша милость, но мне нужно немедленно обратно! Маркус опустится со дня на день, а то и с минуты на минуту!

Он наклонил голову.

– Вы, Фидей Дефендер, должны понимать, что без веры в Господа мы не люди. Все в Его длани. И мы в ней тоже.

– Хорошо, – сказал я со вздохом, – показывайте мою келью. Я, правда, еще и Дефендер гомо сапиенсов. Это тоже такие птицы без перьев... Когда смогу поговорить с кардиналами? Или с папой?

Он коротко усмехнулся:

– Никто еще вот так, не отряхнув пыль с сапог, не получал аудиенцию у папы.

– Сейчас особые обстоятельства, – напомнил я. – Не думаю, что в Ватикане так же тихо, как видится.

– Вам устроят аудиенцию, – пообещал он. – Не знаю, долго ли она продлится, но несомненно, просто несомненно состоится. О вас ходят разные слухи.

– Ой, – сказал я. – Все брешут! Я не такой. Это же с виду, а внутри очень добрый и почтительный.

Он вздохнул:

– Кардиналы обязательно восхотят взглянуть на вас. И даже пообщаться, если найдут время.

– Польщен, – ответил я учтиво. – Хотя все, что обо мне говорят, как уже сказал, полная брехня и клевета, но все рав-

но польщен обло безмерно.

Мы двигались вдоль бесконечной стены, вымощенной изразцами, в нишах закрытые сосуды с именами, как я понимаю, погребальные урны святых или же что-то особо ценное, защищающее своим присутствием святые места, затем как-то незаметно оказалось, что по обе стороны широкого коридора уже идут богато украшенные двери.

– Вот ваша, – произнес он и остановился у одной из. – Наши гостевые покои для особо почетных гостей.

Я коснулся пальцами украшенной золотом двери из ценных пород дерева.

– Не похоже, чтобы кардиналам был знаком закон бедности, ревностно продвигаемый святым Августином.

Он взглянул на меня остро:

– Полагаете, большой грех?

– Для мирян, – сообщил я. – Для властителей не так важно самим соблюдать все законы. Гораздо необходимее, чтобы соблюдало общество. Тогда мир будет прочным и стабильным, а само общество – нравственным и достойным уважения.

Он поклонился:

– Вы правильный сын церкви, сэр Ричард. Я бы сказал даже, сын высших эшелонов церкви.

– Аминь, – ответил я благочестиво.

Он отступил, еще раз поклонился и ушел, такой же неслышный и незаметный, как и все, кто попадает в этих

исполинских помещениях.

Я перешагнул порог с некоторым трепетом. Одно дело хорохориться перед другими, другое – когда наедине с собой. Сейчас можно и признаться, что мне не по себе и от слишком быстрой смены долины отца Миелиса на самый центр Рима, на Ватикан и его внутренности, и от того, что впереди нелегкий разговор с кардиналами, к которому я, честно говоря, еще не готов да и не знаю, как вообще готовиться.

Когда позовут на обед, ждать не стал, быстро перекусил ломтями холодной ветчины и сыра, запил яблочным соком и, вскинув руки, пожелал, чтобы в правой ладони возникла рукоять меча Вельзевула, а в левой – последние десять дюймов лезвия.

Ничего не произошло, я сосредоточился и не просто пожелал, а представил страстно, что вот сейчас пальцы правой сожмутся на рифленой рукояти, а левая ощутит холодную сталь...

Через несколько томительных мгновений обе ладони ощутили эту надежную тяжесть боевого оружия. Я опустил меч острием в пол, вздохнул с облегчением, хотя теперь новые мысли начали ломиться в голову: а достаточно ли свято это место, если возможно пронести сюда меч самого Вельзевула?

Хотя, возможно, защита от нечисти касается только живых существ, а оружие есть оружие, оно не может быть злым или добрым. С другой стороны, для меня меч только злое

оружие, а в то время как молот может служить и делу строительства.

Кстати, надо попробовать вызвать и молот, хотя, как мне чужется, с ним будет проще. Однако попробовать стоит.

Я упражнялся, посылая призыв вещам и убеждаясь, что все проходят защиту Ватикана достаточно легко, что можно толковать вообще и не только так, как мне удобнее. К сожалению, мир устроен совсем не по моим законам, что весьма прискорбно, я бы подсказал, как сделать его более пригодным для жизни.

Особенно для моей, я же все-таки самый замечательный на свете, и весь мир должен стараться подстраиваться под меня, что и понятно каждому, кто не полный дурак.

В дверь постучали, я сообщил громко, что открыто. На пороге появился чернец с толстой книгой под мышкой, но точно не Библия, а скорее, для записи бухгалтерских расходов.

– Скоро на трапезу, – сообщил он, – вы услышите колокол, если у вас в порядке со слухом.

– Когда зовут на обед, – заверил я, – у меня просто идеальный слух! Здесь обедают все вместе, как в монастырях?

Он сдержанно улыбнулся:

– Нет, Ватикан покрупнее любого монастыря. Потому кардиналы, архиепископы и примасы трапезуют отдельно, митрополиты, прелаты и аббаты – отдельно, а в общих залах собираются священники, диаконы, ординаторы, викарии...

– Понял, – прервал я. – К кардиналам меня не пустят, к викариям мне самому не по чину. Там что я лучше сухим пайком попощусь. Воинам весьма полезно.

Он сказал с сомнением:

– Как вам угодно. Хотя с вашим рангом Фидей Дефендера можно бы претендовать и на трапезу за столом с кардиналами.

– Но пришлось бы доказывать свое право, – заметил я. – Пойти на какие-то уступки, что мне знакомо, коррупция в верховных эшелонах власти, увы, присутствует почти везде.

Он взглянул на меня с вопросом в серьезных глазах:

– Сэр Фидей?

– Знаю королевство, – важно сказал я, – где каждая кухарка уверена, что умеет управлять государством. А также разбирается в медицине, искусстве, турнирах, алхимии... В том королевстве кухарки постоянно говорят о коррупции в верхних эшелонах власти. Это приподнимает реноме и позволяет чувствовать себя умнее королей и всяких там мудрецов-советников. Тем более что коррупция в самом деле есть... она везде есть, как мы смогли убедиться на примере этого нашего полезного обмена мнений.

Он прищурился:

– И что, у вас есть рецепт, как изменить?

– Есть, конечно!

– Просветите...

– Противопоставить их неправильной коррупции, – ска-

зал я с подъемом, — нашу правильную! Мы должны разоблачать противника, выявлять его грязные методы и выставлять на всеобщее обозрение мировой общественности нашего суда.

Он вздохнул:

— Это не наши методы. Церковь предпочитает решать такие интимные вопросы не публично.

— Жаль.

Он развел руками:

— Все в руках Божьих.

Я покачал головой:

— Боюсь, Господь передал всю власть в руки коллегии кардиналов. Или надеюсь. Что лучше?

Он произнес с поклоном:

— Но если передумаете... слушайте колокол.

После его ухода я создал на скорую руку еще пару ломтей ветчины с сыром, трапеза так трапеза, запил вином и вышел в коридор, оглядываясь по сторонам, словно диверсант на территории врага.

Под ногами не ровно подогнанные каменные плиты, к которым так привык, а настоящий паркет, даже не знаю, из дуба или неких ценных пород, но выглядит торжественно и вместе с тем уютно.

Стены тоже отделаны этим же деревом, цвет и оттенки умело подобраны, создавая атмосферу строгости и величия.

Впереди на широкой лавке под стеной сидит погруженный

в раздумья кардинал, судя по его красной мантии и такой же красной шапочке. Я постарался пройти мимо как можно тише, чтобы не нарушать ход его мыслей, но когда почти миновал, он поднял голову и сказал ровным усталым голосом:

– Король Ричард?

Я ответил с вежливым поклоном:

– Монсеньор кардинал?

Сочтя, что этого достаточно, я двинулся было дальше, но кардинал заговорил неспешно и отчетливо с гипнотической мощью и уверенностью:

– Король Ричард, с какой целью вы прибыли?

В полусумраке я рассмотрел расшитую золотом мантию и золотой крест на груди, однако все достаточно скромно, это не похвальба богатством, а лишь регалии, напоминание о высоком сане.

– Монсеньор, – ответил я почтительно, – как мне и велели, я доложу об этом коллегии кардиналов.

Он сказал тем же ровным голосом:

– Я кардинал Бабзани, глава коллегии. С тем же успехом вы можете рассказать все сейчас.

Я ответил еще почтительнее:

– Кардинал, я человек, так сказать, военный. Не воинственный, но военный. А это значит, привык выполнять приказы в точности.

Он поморщился, но кивнул:

– Да-да, вы поступаете верно. Неразумно, однако верно.

Иди с богом, сын мой.

Я поклонился и отбыл, но не мог избавиться от тревожной мысли, что кардинал не случайно как бы изволил отдыхать на моем пути.

Издали донеслось протяжное хоровое пение, я прибавил шаг, широкая арка вывела к переходу в собор, с которого видна площадь. По ней в эту сторону движется торжественная церемония. Впереди носилок с тронem, на котором восседает человек в папском одеянии, на пурпурных подушечках несут роскошную тиару и прочие регалии власти понтифика.

Священники в торжественных белых одеяниях спереди, такие же сзади, множество воздетых к небу крестов, народ толпится на площади, папские солдаты в церемониальном облачении сдерживают с обеих сторон толпу, множество хоругвей с незнакомыми мне символами, хотя, наверное, все относятся к христианству, его древней или даже нынешней истории.

За тронem, длинные рукояти которого лежат на плечах дюжины носильщиков тоже в парадных одеждах, шествуют кардиналы. На этот раз не в традиционно красных одеждах, а тоже в белых, расшитых серебром, как бы подчеркивая старинное правило, что папа всего лишь один из епископов Рима. Думаю, это давно осталось в прошлом, сейчас папа почти земной бог, и даже не представляю, что может пошатнуть его власть, никто в мире вообще-то не представляет такой воз-

возможности.

Следом мальчишки певчего хора, чистые детские голоса возносят хвалу Господу, насколько я понял. Дальше еще народ, но тоже не из простых свиней, а все в золоте, неслышанной роскоши одежды, чему положит конец, как понимаю, Лютер.

К распахнутым воротам собора первым подходит чернец, несущий тиару, она показалась мне сильно вытянутым вверх воинским шлемом, словно создавалась для крупного ученого, коих зовут яйцеголовыми. Тиару опоясывают три полоски из золота с вкрапленными рубинами, поменьше того, что в рукояти моего меча, но рука огранщика показалась мне знакомой.

Полоски, естественно, с зубчиками, словно из-за них тоже крохотные арбалетчики готовы отстреливать врагов папы, а также с оттопыренными от стального купола золотыми листиками неких растений, что-то знакомое, но я как-то пропустил уроки биологии.

На вершине тиары золотой крест в женскую ладонь размером, в центре креста тоже рубин, уже покрупнее, почти такой же, как у меня на мече, Вельзевул бы уже заинтересовался и начал ревниво сравнивать.

Перед воротами собора носилки опустили на землю. Папа сошел на грунт медленно и величественно, длинный хвост его парадного облачения заносили только на ступеньках собора, а дальше он двигался, как древний динозавр в золоте,

волоча роскошный хвост. Чернец с тиарой все еще впереди, идет медленно и торжественно, словно к памятнику Неизвестному Рыцарю, только что не печатает шаг. В том зале, куда направилась процессия, на удивление много женщин, все присели к самому полу и смиренно склонили головы, и только стражи в сверкающих доспехах стоят выпрямленные и все замечающие, хоть ни один не шевельнет и бровью.

Папа медленно и величаво, чтобы не перетрудиться, двумя пальцами раздает благословление направо и налево, на каждые десять медленных шагов одно направо, на следующие десять – налево.

Если кого-то и не зацепит благословлением, то, как я понимаю, хрен с ними, людей на земле много, а вообще-то скоро и эти погибнут, чего зазря стараться.

Чернец двигается к противоположной от входа стене, там нечто вроде театральной сцены: четыре ступеньки к ней, по бокам толстые, как баобабы, колонны. На самой сцене в глубине длинный стол, покрытый золотой скатертью, по два подсвечника с горящими свечами справа и слева, середина стола пуста, но это понятно: перед столом лицом к залу, а спинкой к столу, роскошное, хоть и облегченное, словно дачное, кресло для папы.

За столом на стене подчеркнуто простой крест из дерева, что-то символизирует, иначе был бы тоже в золоте и драгоценностях.

К сцене двигаются уже более тесной группой, кардиналов

почти не отличить от папы, только у него полотняная тиара расшита золотом, а у них золота поменьше, а вместо остальной части широкие красные полосы.

На кресле с папы сняли простую тиару, оставив голову в простой белой шапочке. Он сидит терпеливо и не двигается, мне даже показалось, что дремлет, но вообще-то это называется думает о высоком.

И под пение церковного хора мужик в золотом облачении подошел к нему с тиарой власти в обеих руках и провозгласил зычно, не столько для папы, что вздрогнул от его рева, как для публики:

– Прими эту тиару, украшенную тремя коронами, и знай, что ты отныне отец королей земных и государей, владык земных, наместник нашего Господа. Да будет царствие и слава его ныне и присно и во веки веков!.. Аминь.

И с этими словами он опустил на голову папы тиару, только теперь я понял, что это в самом деле три короны на боевом рыцарском шлеме, удлиненном для того, чтобы поместились все три и между ними еще оставался промежуток в три пальца, означающий сегрегацию и апартеид в отношении трех разных миров.

– Его святейшество папа, – провозгласил он звучно, – Бенедикт Двадцать Первый!..

Заглядывая в книгу, церемониймейстер произнес так же громко и торжественно:

– По этому случаю папа дарует всем присутствующим

полное отпущение грехов.

Вот повезло, мелькнула у меня злая мысль. Главное, подсуетиться и всегда быть поближе к власти имущим, что-то да всегда перепадет. А те, кто проливает кровь на дальних рубежах... ну, для них существует вера в идеалы, справедливость, это выше всяких наград, как им сумели объяснить, что вообще-то необходимо для любого стабильного общества.

Я ощутил, как тихонько подошел и встал рядом человек, что вроде бы смотрит на папу, но больше присматривается ко мне. Этого я не видел, но ощутил фибрами, все истончаюсь, хотя, казалось, должен огрубеть в грубом мире и на очень грубом посту монарха и самодержца.

– Господин Пьяченца, – спросил я шепотом, – он в самом деле настолько свят?

Он пару мгновений озадаченно молчал, как это я увидел, не поворачивая головы, затем ответил уклончиво и почти-тельным шепотом:

– Этот высокий сан дает особую благодать.

– Да?

– Даже не лучший человек, – объяснил он тем же голосом, – способен на папском троне исправиться в лучшую сторону.

Я пробормотал:

– Я все-таки не стал бы так рисковать.

– В смысле?

– Лучше на папский трон избирать сразу хорошего.

Он ответил тем же шепотом:

– Это вечный вопрос бытия, сэр Фидей. Избирать хорошего или же, напротив, умного?

– А он умен?

– Обстоятельства чрезвычайные, сэр Фидей, – произнес он. – Мир гибнет, вы же из-за этого прибыли так... быстро? Сейчас не до прекраснотушных, сейчас нужны выживаемые.

– Такое сейчас не только в церкви, – проронил я. – Но некоторые стараются выжить не поодиночке, а всем обществом.

– Папа Бенедикт тоже хочет выжить со своим обществом, – пояснил он. – Только у него не такое большое общество, о каком говорите вы, сэр Фидей.

– Вы знаете, о каком говорю я?

Он чуть-чуть раздвинул губы в улыбке:

– Вы молоды, а молодежь стремится либо завоевывать по меньшей мере весь мир, либо спасти его тоже весь.

– Вы управляете каким отделом? – спросил я.

Его улыбка стала шире:

– На генерального не тяну?..

– Можете не отвечать, – сказал я. – Уже понимаю, каким сектором рулите в любую погоду.

Он сказал мирно:

– При каждом развитом королевском дворце существует такая служба. А уж в Ватикане, где сосредоточены все нити...

– Что скажете о здешних настроениях? – спросил я.

– Кардиналы, – напомнил он, – люди в весьма зрелом возрасте. А к старости все мудреют и осторожнеют. Потому большинство, даже абсолютное большинство, даже не рассматривает вариант противодействия воле Господа.

– Понял, – ответил я. – Значит, придется рассчитывать на немногих.

Он одобрительно улыбнулся:

– А вы не теряете присутствия духа.

– Вынужден, – ответил я. – Я бы с удовольствием лежал на диване и созерцал, как другие работают.

– Все мы так говорим, – сообщил он заговорщицки. – Оправдывая то, что работаем день и ночь. Мир таков, не любит тех, кто работает больше, чем они, и тем самым обгоняет... Смотрите, аудиенция подходит к концу! Вам лучше идти к себе и подготовиться. Хотя определенная работа перед вашим появлением уже сделана, однако вам придется рассказывать все сначала. Кардиналы, как догадываетесь, не только вами занимаются.

– Странно, – удивился я, – а разве есть еще кто-то такой же замечательный?

Он улыбнулся и, неслышно отступив, смешался с толпой покидающих зал. Папа уже удалился через дверь в стене с той стороны стола, с ним ушли и все кардиналы.

Глава 6

Как подготовиться, Пьяченца не сказал, каждый из нас сам должен знать, как выглядеть лучше и какие доводы выложить, потому я просто выстраивал фразы, какие скажу, а какие придержу, когда в дверь легонько стукнули.

Я не стал кричать, что открыто, отворил сам. В коридоре по ту сторону двери древний и еще больше высохший, чем отец Дитрих, человек в пурпурном кардинальском одеянии и в красной шапочке. Опирается на палку, подчеркнуто простую, а это что-то да символизирует, в Ватикане все на символике и на тайных знаках, объяснение которым теряется в глубине веков.

Он показался мне похожим на старого сверчка, такой же костлявый и почти покрытый пылью. Я поспешил выйти, он протянул мне руку, явно чтобы я помог добраться в комнате до кресла. Я поцеловал ему тыльную сторону кисти и затем почтительно проводил вовнутрь, ухитрившись ногой зацепить дверь и захлопнуть за нами.

Он сел со вздохом и легким сдержанным побряхтыванием. Я молчал, продолжая выказывать почтение провинциала, весь из себя сплошное уважение.

— Коллегия кардиналов, — объяснил он свое появление сухим потрескавшимся голосом, так бы разговаривало засохшее дерево, — не собирается по пустякам.

Он остановился, ожидая реакции, я сказал ожидаемое:

– Но меня прислали не из-за пустяка!

Он кивнул, первый тест я прошел, не сам приехал, а меня прислали, хоть я и король. Значит, признаю над собой полную власть церкви, в тех землях олицетворяемую архиепископом Дитрихом.

– Ходатайство Верховного Инквизитора, – произнес он, – весьма важное, однако кардиналы желают удостовериться, что их не созывают ради вопроса, который мог быть решен на месте.

– Мудрое решение, – сказал я почтительно.

– Разные события, – объяснил он, – выглядят по-разному, смотря с какого места смотреть.

– Золотые слова, – сказал я с восторгом.

– Я кардинал Гальяниницатти, – сказал он, – если вы, сын мой, этого еще не знаете.

Я сказал пылко:

– Теперь это имя в моем сердце!.. К тому же я его уже слышал, правда-правда! Говорят только самое лучшее, вы ведь светоч и надежда всего простого и совсем простого народа. Ваше преосвященство, но спасение всего мира... это не совсем такие уж пустяковые пустяки!

– Спасение душ важнее, – возразил он. – Хотя да, Господь создал великолепный мир, его спасти тоже стоит... если цена не слишком велика.

– За спасение мира, – сказал я, – можно заплатить любую

цену. Даже отдать душу! Господь поймет, оценит и простит.

Он посмотрел исподлобья, вздохнул:

– Сын мой, а не слишком ли вольно ты толкуешь его учение и его законы? Или сказывается удаленность от Рима?

– Великий теолог, – сказал я с прежним почтением, но и с некоторым пафосом, раз уж можно спрятаться за чужое мнение, – кардинал Йозеф Хёффнер определил социальное учение Католической Церкви как «совокупность социально-философских, то есть взятых из социальной природы человека, и социально-теологических, что взяты из христианского учения о Спасении, знаний о сущности и устройстве человеческого общества». Так? И о вытекающих отсюда и применимых к конкретным общественным отношениям нормам и задачам строя.

Он слушал с напряженным вниманием, вроде бы понял мою витиеватую мысль, хотя я сам ее понял не совсем, мне же главное – запомнить и донести, не растеряв по дороге.

– Дальше?

– Наш великий и мудрый Творец, – сказал я и перекрестился, – сотворив человека как существо телесное и духовное, личностное и социальное, наделил его неотъемлемыми достоинством и правами. То есть все люди стали равны, уникальны и причастны Богу, но имеют свободную волю и свободу выбора. Грехопадение повлияло на природу человека, но не лишило его естественных прав, а поскольку его природа до окончательного Спасения человечества неизменна, то

даже Бог не властен отнять или ограничить свободу человека.

Он нахмурился, сказал нехотя:

– Да, это основная доктрина церкви, на которой она стоит и стоять будет. Хотя простой народ может понять неверно.

– Господь не властен отнять нашу свободу, – сказал я, – но разве это говорит о Его слабости?

Я сделал нарочитую паузу, он произнес с явной неохотой:

– Разумеется, нет...

– Но именно эту ошибку, – воскликнул я, – сделали ангелы! Не те, что подняли мятеж тогда, а уже нынешние. Да-да, господин кардинал, среди мятежных ангелов в аду нашлись те, кто вознамерился поднять новый мятеж! Они решили, что если за тысячи лет Господь ничего не сделал, чтобы изменить человека к лучшему, то Он, значит, либо бессилен, либо уже махнул рукой или там крылом на человека... а это значит... это многое для них значит!

Он сказал невесело:

– Молодежь всегда истолковывает мудрые решения, как трусливые или слабые. Она, дескать, сделала бы все жестче, быстрее и лучше!..

Я льстиво поддакнул:

– К сожалению, иногда пытается сделать, несмотря на запрет со стороны таких мудрых старших, как вот вы, кардинал.

– Вот-вот, – поддержал он. – Однако же, сын мой, меня

очень тревожит то, что ты сказал о новом мятеже.

– Я бы хотел, чтоб его не было! Но увы.

– Насколько твои сведения... верны?

Я поколебался, но кардинал выглядит в самом деле мудрым, хотя внешность обманчива, к тому же напоминает отца Дитриха, я вздохнул тяжело, наклонился ближе.

– Тяжко мне это говорить, святой отец, однако...

– Говори, сын мой, – ответил он просто. – Знал бы ты, чего я только не наслушался...

Я вздохнул снова и начал рассказывать. Он слушал внимательно с самого начала, хотя тело и одряхлело, но ум сохранился живым и острым, все быстро схватывающим, что свойственно и молодым, однако и умеющим сравнивать со всем ранее известным, изученным и уже освоенным.

– Честно говоря, – произнес он несколько потрясенно, – такого еще не слышал... и даже не думал, что такое возможно... Подумать только, второй мятеж!.. Темные ангелы прозрели и готовы молить Господа о прощении!.. Светлые ангелы завидуют человеку и тоже не любят его... Хотя, если поразмыслить, именно так и должно бы случиться... но кто из нас заходит в своих рассуждениях и догадках так опасно далеко?

Я молчал, наконец сказал осторожно:

– Так что мне ждать от коллегии кардиналов?

Он тяжело вздохнул:

– Мне очень не нравится тон, который ты взял в разговоре

с ангелами... Я имею в виду ангелов небесного легиона. С темными уже неважно, с побежденными не считаются.

Я признался:

– Мне мой тон тоже не нравится. Более того, скажу честно, я откровенно трушу. Наверное, потому и хамлю.

Он горько усмехнулся:

– Даже ты, сын мой, доблестный Фидей Дефендер, трусишь?

– Увы, – сказал я откровенно. – Страшно. Это же какие силы! Однако как иначе напомнить светлым ангелам, что они вообще-то совершили рейдерский захват власти, и мы это понимаем?..

– Захват власти?

– Да, – ответил я, – раньше там была хоть какая-то слабая оппозиция, можно было вести полемику, чтоб не так скучно... А партия Михаила воспользовалась предложением и умело вытеснила противников. Да, все у них прошло благополучно, и если и трусили вначале, то за эти тысячи лет уверили себя, что так и было изначально. Я лишь напоминаю им, что Господь оставил для нас всех несколько иные правила. Для всех, ангелам тоже. Это и вызывает ярость, будто клевета какая!

Он сказал слабо:

– Это они еще бы стерпели. Но их старшие видят, что это для тебя, сын мой, лишь платформа, с которой желаешь заключать соглашения на новой основе. Ведь желаешь? По гла-

зам вижу. А это для них серьезнее и опаснее. Да, они силой вытеснили оппозицию и укрепили свою власть, но теперь ты вроде бы желаешь что-то пересмотреть им в ущерб!

– Так и есть, – подтвердил я. – Но это не мятеж, а лишь возвращение к истокам!..

Он насторожился:

– К истокам?

Я объяснил почтительно:

– Как в церкви то и дело заново перечитывают Библию, чтобы придерживаться прежней линии, не уходить далеко в сторону.

Он сказал строго:

– Может быть, не следует перечитывать Библию... простым людям?

– Ваше преосвященство, – спросил я в испуге, – но... почему?

– Вера, – ответил он значительно, – тоже должна реформироваться и развиваться. А Библия... это основа. Возвращаться к основам – это отрицать все новое, что создала богословская мысль.

– А если богословская мысль, – возразил я, – ушла далеко в сторону?

– А ты можешь об этом судить? – спросил он. – Нелегко даже нам, которые всю жизнь посвятили, и то...

– Некоторые вещи заметны сразу, – сказал я. – Например, для того чтобы быть понятным простому народу, была сде-

лана нехорошая уступка язычеству. Я говорю о том, что великого пророка Иисуса Христа начинали почитать, как бога, а потом вообще объявили сыном Всевышнего. И не так, что все мы – дети Творца, а в буквальном смысле! Дескать, Творец, как языческий Зевс, что совокуплял женщин...

Он дернулся, на лице отчетливо проступило острое неудовольствие.

– Как можно такое слышать от Защитника Веры?

– Я Фидей Дефендер, – согласился я, – но при чем здесь Христос?.. Я и его защищаю от умаления его достоинства! Это был великий пророк, поднявший человечество на новую ступень развития, понимания и добавивший ему человечности. И я никому не позволю принизить его величайшую роль именно в очеловечивании того зверя, которым был до его прихода человек.

Кардинал произнес с негодованием:

– Но ты же отрицаешь его божественное происхождение!

– Тем самым его возвеличивая, – возразил я. – Вот вы и кардинал заседаете в конклаве кардиналов наряду с теми кардиналами, что стали ими благодаря высокому положению своих семей, высоких титулов... я ведь правильно понял, что вы не являетесь выходцем из древнейшего рода, что некогда поставлял королей? Но такие вот занимают кресла и в коллегии кардиналов, а вот вы – потому что трудом, упорством, ярким умом и невероятной работоспособностью пробились из самых низов простонародья и теперь вы тоже в Высшем

Совете Кардиналов. Скажите, кто из вас более достоин уважения?

Он быстро открыл рот, доводов много, но медленно закрыл, посмотрел на меня исподлобья:

– Я не могу давать себе оценку.

– Но другие вам дали, – заверил я. – И она говорит о том, что вы просто гениальный человек, добившийся многого. Будь вы сыном герцога, место за столом папской курии было бы не вашей заслугой.

Он стиснул челюсти, посмотрел на меня зло и растерянно.

– При всей ясности ваших доводов, – проговорил он тяжелым голосом, – вам придется бороться против всей церкви!

– Всей? – спросил я.

Он зыркнул на меня из-под кустистых бровей:

– Что вы задумали?

– В церкви не дураки, – сообщил я. – Они знают правду. Большая часть, вы правы, останется на привычных прежних позициях. По разным причинам. Но все же наиболее активная, что всегда в меньшинстве, может принять мои доводы.

Он покачал головой, голос прозвучал с прежней неприимимостью:

– Тоже по разным причинам! Из них главная – потеснить старых кардиналов и захватить их место, как всегда во время реформ!

– Но кто-то, – сказал я, – в самом деле увидит возможности для церкви?

Он почти завопил, так прозвучал его надсадный и надтреснутый голос:

– Какие возможности?

– Такие же, – ответил я, – какие продемонстрировали вы, кардинал Гальяниницатти.

– Сэр Фидей?

– Вы показываете всему простому народу, – напомнил я, – что не все так тоскливо и безысходно в нашем мире.

– Простите?

– Простой народ, – пояснил я, – глядя на вас, скажет себе и детям, что если много трудиться, учиться и совершенствоваться, то такому будут открыты все дороги к власти и могуществу. Что у нас наконец-то все больше начинают оценивать людей не по происхождению, а по их личным качествам!

Он поморщился, помолчал, я видел по его лицу, как хочется принять эту точку зрения, предельно лестную для него лично, однако проговорил со вздохом:

– Сэр Фидей, вы думаете о людях слишком хорошо. Это свойственно юным и романтичным.

– Я полагал, – сказал я, – юные как раз во всем изначально разочарованы.

Он покачал головой:

– Юности свойственны крайности. Либо мир прекрасен, либо все в дерьме и жить незачем. На самом же деле мир не белый и не черный, он... хуже всего, серый. Был бы черный, люди скорее бы устыдились своего скотского существо-

вания! А так никто вашу реформу не примет.

Я сказал быстро:

– Разве это реформа?

– Реформа, – ответил он твердо.

– Это не так, – сказал я жалко, – всего лишь мелкое уточнение. Возвеличивающее сущность Христа!

Он вздохнул, лицо стало мрачным.

– Вы сами сказали, часть кардиналов занимают места в папском совете по праву высокого рождения. И это никем не оспаривается, потому что освящено древними обычаями и законами. Обычаю следуют потому, что он обычай, а во-все не из за его разумности. Народ соблюдает обычай, твердо веря, что он справедлив. А обычаи ломать, сэр Фидей... это не просто.

– Есть средства, – возразил я, – бороться с преступлениями – это наказания. Есть средства для изменения обычаев – это такие достойные примеры, как ваша жизнь.

Глава 7

Я видел по его лицу, хоть он и попытался скрыть, что польщен моими словами, однако ответил мне с тяжелым вздохом:

– Сэр Дефендер, все же лучшие законы рождаются из обычаев.

– Золотые слова, – сказал я с подчеркнутым восторгом, – в большинстве случаев именно так, как вы сказали вдумчиво и зело ответственно. Один мудрец изрек, что без помощи предубеждений и обычаев он бы заблудился в собственной комнате!

– Вот-вот...

– С другой стороны, – продолжил я, – как вы понимаете, следование обычаям тормозит развитие любого королевства, любого общества. И вообще, люди никогда не испытывают угрызений совести от поступков, ставших у них обычаем, даже если тот пришел из такой древности, когда особи в самом деле пожирали друг друга... Ах да! Вспомнил вот. Правда ли, что высший из ангелов по имени Метатрон, первый после Творца, которому подчинены все архангелы, серафимы и херувимы... был человеком?

Он ответил настороженно:

– Да, это праведник Энох, что был за мудрость и чистоту помыслов живым взят на небо. А что?

Я перекрестился и сказал с чувством:

– Разве этим символическим действием нам не указано... всему человечеству!.. каким путем двигаться? Личные заслуги должны ставиться в обществе выше знатности, близости ко двору, родственных связей, что и было исполнено в вашем случае! И в таком направлении должен двигаться мир.

Он пробормотал:

– Я польщен вашим сравнением, сэр Фидей. Но помните о вашей главной цели! Вам нужно получить помощь, потому не затевайте полемик.

Я поклонился:

– Ваше святейшество, все же надеюсь, вы поддержите меня на конклаве?

Он покачал головой:

– Самое большее, что могу обещать, это неучастие в спорах. Я вообще посоветовал бы вам сосредоточиться на одной-единственной просьбе: получить помощь, о чем и написал нам Верховный Инквизитор. И ни о какой реформе церкви даже не заикаться!

В дверь стукнули, заглянул слуга:

– Ваше преосвященство, кардинал Мариоцетти хотел бы навестить сэра Фидея в преддверии конклава.

Кардинал Гальяниницатти нахмурился, скривился даже, но махнул рукой:

– Мы уже почти заканчиваем, пусть присоединяется. Если

сэр Фидей не против.

– Если не против вы, – подчеркнул я, – я же не знаю здешних течений и группировок! Мне все контакты в корм.

Дверь распахнули шире, через порог степенно переступил такой же престарелый, только с висящими, как у старой собаки, щеками и многоярусными мешками под глазами, человек в красной рясе и с красной шапочкой на голове.

И хотя он и по возрасту и по одежде подобен Гальяниницатти, но я мгновенно уловил, что этот кардинал здесь потому, что в царствующих семьях старший сын считается наследником престола, а младших во избежание отправляют по духовной части, где они автоматически начинают с высших церковных должностей.

– А-а, – сказал гость настолько дружелюбно, что даже я заметил брехню, – кардинал Гальяниницатти... Как я рад вас видеть!

– А как я рад, – ответил сквозь зубы Гальяниницатти и улыбнулся предельно искренне. – Мы тут обсуждаем с сэром Фидеем здешнюю погоду. Все-таки лето чем-то да отличается от их вечной зимы, где только медведи да инеистые великаны... Присоединяйтесь, кардинал Мариоцетти.

– С удовольствием, – ответил кардинал Мариоцетти. – Но, думаю, погоду вы уже обсудили. Меня больше интересует вопрос важности помощи, о которой настойчиво просил Верховный Инквизитор. Он имеет в виду что-то серьезное... очень серьезное? Я имею в виду, настолько серьезное или

даже серьезное настолько?

– Даже очень настолько, – ответил я раньше, чем кардинал Гальяниницатти успел вставить слово и повернуть в другое русло. – Среди изгнанных с небес мятежных ангелов назрел новый бунт.

Кардинал сел почти рядом с Гальяниницатти, тот даже сделал движение отодвинуться, но сдержался, на лице проступила кислая улыбка.

– Бунт? – спросил Мариоцетти. – Как может быть новый бунт...

– Прошлые бунтующие уже признали свою вину, – пояснил я, – хотя еще и не сообщили об этом. Гордость, знаете ли, такая вещь... Так вот часть их все-таки взбунтовалась и против смирившихся, и вообще против всех. И даже начали, нарушая прямой запрет вредить человеку открыто, убивать людей, сжигать их дома. Потому Верховный Инквизитор и запросил помощи именно против этих ангелов. Люди у нас есть, недостает адекватного оружия.

Кардинал бросил хмурый взгляд на Гальяниницатти.

– Да, – произнес он задумчиво, – ситуация как раз та, что самое время поговорить о погоде.

Гальяниницатти нервно дернулся.

– Сэр Фидей, – возразил он с достоинством, – в основном напирал на то, что в церкви необходимы реформы. И даже предложил такое, что у меня волосы встали дыбом! Так что вопрос о помощи остался как-то в сторонке. Видимо, сэр За-

щитник Веры предпочитает изложить его только на коллегии?

Мариоцетти взглянул на меня с вопросом в глазах:

– Это верно?

– Вообще-то не люблю повторять, – признался я, – но все равно приходится. Просто я съехал с предмета, признаю, потому что накопилось много всего и разного, а когда попал сюда, поспешил выложить весь ворох проблем. В том числе и жажду реформы, хотя это вовсе не реформа, а так, некоторое мелкое украшение.

Мариоцетти взглянул на Гальяниницатти:

– Мелкое украшение?

– Не совсем, – ответил Гальяниницатти нехотя, – хотя, конечно, если не выносить это на общее обсуждение, где я тут же откажусь от своих слов, сейчас скажу, что можно учитывать и некоторую правоту сэра Фидея. Я сказал «некоторую»!

– В чем она?

– Сэр Фидей, – проговорил Гальяниницатти и с неохотой и со смиренностью опустил взгляд, – в данном случае больше Его Величество король, чем просто Защитник Веры. Потому он полагает, что больше обязан в этом мире Господу, чем папе. И если папа вынесет иное решение, то что бы там ни решил сэр Фидей, сам король Ричард еще подумает, принять ли...

– Что-о?

– Или же, – договорил Гальяниницатти, – он будет руководствоваться теми положениями, которые отыскал в Библии.

Мариоцетти фыркнул:

– В Библии можно отыскать все!

Гальяниницатти сказал смиренно:

– Но если строки, которые приведет в свою защиту король Ричард, окажутся более убедительными, чем которые отыщем мы, то... что делать? Не признавать авторитет Святого Писания?

Мариоцетти поморщился:

– Вы слишком прямолинейны, дорогой друг кардинал. Все можно интерпретировать. В ту или другую сторону. Разве вас не обучали в духовной академии работе с массами?

Гальяниницатти сказал опасливо:

– У меня создается такое впечатление, ваше преосвященство, что этот король, который сейчас внимательно слушает наш разговор, не совсем масса.

Мариоцетти фыркнул:

– Что?.. Какой-то варварский король с севера? Он хоть грамотен?.. Сэр Фидей, вы грамотны?

Я ответил с холодком:

– Полагаете, ваше преосвященство, что грамотные и просвещенные должны быть вне церкви, а самые преданные и верные церкви – это неграмотные?

Гальяниницатти бросил на меня подбадривающий взгляд

и сказал елеиным голосом:

– Осмелюсь напомнить вашему преосвященству, канцелярия святаейшего престола регулярно получает сообщения от архиепископа Дитриха, прелата и нунция в тех землях. И в них о короле Ричарде говорится весьма похвально.

Мариоцетти отмахнулся с полнейшим пренебрежением на лице:

– Да бросьте. Похвально говорить или непохвально, решают в центре мира, здесь, в Ватикане.

Гальяниницатти поклонился:

– Да, ваше преосвященство. Однако же... если король Ричард упрется на том основании, что Господь вроде бы старше папы?

Мариоцатти улыбнулся отечески:

– Следует вразумить сэра Фидея, что Господь всегда говорит через папу. Папа и по закону является наместником Господа на земле.

Я начал чувствовать нарастающее раздражение, поклонился и сказал с той предельной вежливостью, что всегда граничит с оскорблением:

– А я, кстати, наместник императора Германа, ваше преосвященство. Однако делаю то, что считаю правильным, не дожидаясь указаний императора. Более того, осмелюсь сказать, могу поступить и вопреки указаниям императора, если сочту свое решение более верным.

На лице Мариоцетти отчетливо отразилась борьба двух

взаимоисключающих мыслей, то ли сказать, что вот видите, вы же сами трактуете свои полномочия шире, чем предписал император, то ли напомнить, что если я вассал императора, то должен действовать строго по его законам, наконец заговорил уже не с таким напором:

– Сэр Фидей, Господь дает нам общие законы... Он не следит за каждым падающим с дерева листом, это лишь красивая метафора всемогущества Господа. В повседневной жизни лишь папа дает толкования в соответствии с меняющимися обстоятельствами.

– Я отдаю свой вопрос на решение папы, – сказал я, – и с покорностью приму любое его решение... если, конечно, оно будет соответствовать моим интересам.

Он дернулся:

– Ваши интересы определяет папа!

– Мои интересы желают все определять, – согласился я. – Папа, император, окрестные короли, мои лорды, женщины, даже мой Бобик... Ваше преосвященство, политик моего уровня уже должен уметь руководствоваться интересами региона, за который отвечает. Я выразился доступно?

Они переглянулись, оба ощутили, что я перехватил инициативу, уже на коне, такого не сбить ни напором, ни софистикой, ни величием папской власти, который есть наместник Господа на земле. Это для народа он наместник Творца, но здесь мы понимаем истинную цену наместнику, которого выбирают кардиналы, но не Господь.

Мариоцетти поднялся, в каждом жесте чувствуется, что начальное образование и воспитание получал, как юный принц или герцог, сказал с величественным пренебрежением:

– Полагаю, обмен мнениями был полезен.

– Очень, – подчеркнул я.

Он кивнул:

– Теперь мы представляем, что желает сэр Фидей, а он примерно знает, как относится к его запросам коллегия кардиналов.

Гальяниницатти поднялся несколько поспешно, происхождение из простонародья сказывается, посмотрел на меня с некоторой неловкостью.

– Будьте осторожны, сэр Фидей, – напомнил он.

– В чем? – спросил я.

– К папе, – сообщил он, – приезжают на поклон и с просьбами даже императоры.

– Знаю, – ответил я. – Папа, естественно, выше любых земных владык.

Он сказал уже мягче:

– Потому ваш титул короля на чашу весов класть не стоит. Это только рассердит. Держитесь смиренно, аки праведный христианин.

– До встречи, – сказал Мариоцетти и покровительственно улыбнулся.

Вышли они вместе, я долго смотрел в закрывшуюся дверь,

перебирая разговор и чувствуя досаду, что слишком старался высказаться и не выстроил доводы клином, способным пробить любую защиту.

Глава 8

Пару часов я бродил по дворцу, вернее, по ансамблю дворцов, любовался хоть и против желания, не для того прибыл, но любовался. В эту массу камня вложен труд не только каменотесов, но и гениальных архитекторов, дизайнеров, художников. Одних вытащили из дальних королевств, других вырастили и обучили на месте, а общими усилиями создали это монументально-кружевное чудо, в котором и тяжелая напористая сила католической церкви, и ее высокая духовность, постоянно напоминающая человеку, что он – творение Господа и не смеет жить, как просто животное.

Мое передвижение как-то отслеживают, хотя я бродил в одиночестве и хвоста не видел. В какой-то момент передо мной возник священник в облачении диакона, немолодой и степенный, молодежи я что-то вообще не заметил, кроме мальков хора, поклонился замедленно и произнес бесстрастным голосом:

– Сэр Ричард, кардиналы соберутся в малой совещательной комнате.

Я сказал бодро:

– Прекрасно! Где это?

– Я проведу вас, сэр Ричард.

– Идемте, – сказал я бодро.

Он мягко улыбнулся:

– У кардиналов нет вашей бодрости, сэр Фидей. Они придут не сразу, сперва разберутся с делами. Это я к тому, чтобы вы ничем себя особым не занимали... надолго.

– Я всегда могу бросить любое дело, – заверил я. – Что я обычно с охотой и делаю.

Он улыбнулся одной половинкой рта:

– Кстати, с вами жаждут пообщаться некоторые наши служители.

– Я со всеми рад общаться, – сообщил я. – Я человек общительный и наивный, какими и рекомендуется в заповедях быть христианам. А еще кроток, аки голубь сизокрылый.

– Тогда прошу, – проговорил он, явно не слушая, что за бред несу, – пока что в эту комнату, она вроде пуста.

От распахнул передо мной дверь, в комнате у высокого окна четверо священников ведут оживленный спор, оглянулись.

Мой диакон сказал торопливо:

– Продолжайте, продолжайте! Мы с Фидей Дефендером пока только...

Один вскрикнул счастливым голосом:

– Это и есть тот самый Защитник с таинственного Севера?.. Ой, как интересно, дайте на него посмотреть...

Они окружили меня все четверо, посыпались вопросы, сперва простенькие насчет как вам здесь понравилось, потом глыбже и ширше, я уже все понял, честно и подробно изложил свое видение ситуации, рассказал все о настроениях се-

верных лордов, однако чем дальше углублялась беседа, чем более странными казались вопросы, но я сперва спихивал на свою возросшую подозрительность, чего только не вытворяет с психикой высокая должность и титул монарха, и лишь когда они поблагодарили и ушли, хлопнул себя по лбу в запоздалом озарении.

Вопросы совсем не странные, потому что спрашивали не о положении на севере, на что я отвечал так подробно, а на самом деле выясняли мое отношение к тем или иным событиям, людям, поступкам, или же, говоря понятным языком, рисовали мой психологический портрет. Я отвечал на все вопросы хитро составленного теста добросовестно, даже не заподозрив, что это за, иначе точно попытался бы схитрить и ответить правильное и красивше.

Диакон проводил их добрым взглядом, сказал со вздохом:

– Молодежь... Такие любопытные.

– Да, – согласился я, – но специалисты хорошие. Даже первоклассные, я бы сказал.

Он посмотрел озадаченно:

– Правда?

– Правда-правда, – заверил я. – Еще чуть бы тоньше сыграли, я бы почти поверил. Да, в Ватикане есть и хорошие работники. Ну что, идем к кардиналам? Или нужно дать время, чтобы их ознакомили с результатами теста?

– Простите...

– Вопросника, – пояснил я. – Ответы нужно еще интер-

претировать, верно? Когда я отвечал, предпочитаю голубой цвет или красный, речь шла не о цвете, кому это нужно?.. Вы разве не из той службы, что вроде бы дворцовая охрана, только не дворцовая и не охрана?

Он скромно опустил взгляд:

– Нет-нет, что вы... Это неправильно... Не совсем правильно держать такие службы в святом месте.

– Но мы в Ватикане, – напомнил я. – Духовном центре мира. А духовность придает обычным гадостям оттенок гармоничной завершенности. В Ватикане все настолько возвышенно, что преступление может смотреться, как законченный шедевр Микеланджело, который разукрасил свод и стены папского дворца абсолютно языческими картинами, посмеяв изобразить даже Творца в облике Зевса.

Он дернулся, посмотрел на меня несколько ошарашенно. Я ответил наглой улыбкой, дескать, хоть и провинция, но чисты духом и помыслами, все замечаем. И очищение церкви, что грядет обязательно и неизбежно, как восход солнца, придет не из Рима.

– Но папа одобрил, – пробормотал он, – да и кардиналам понравилось.

– Это знакомо, – заверил я. – Мне тоже часто та-а-акое нравится, еще как нравится!.. Потом иногда чуть-чуть жалею, чаще нет, так как уже привыклось, стало частью обыденной жизни.

– Сэр Фидей?

Я пояснил:

– Нельзя быть святым не только всю жизнь, но и слишком долго.

– Подвижникам это удавалось, – сказал он тихо.

– Мир состоит не из подвижников, – ответил я сожалеюще. – Наверное, к счастью.

Он взглянул странно, вытянул руку, указывая новое направление:

– Кардиналы собираются вон там.

Комната, в которую он почтительно и торжественно открыл дверь, отделана с кричащей скромностью: вся в темно-коричневых тонах, стены из дерева дорогих и редких пород, небольшой столик ближе к камину, а дюжина кресел вдоль стен лицом друг к другу.

– Ждите здесь, – произнес диакон и, заметив выражение моего лица, строго добавил: – Они люди очень занятые, к тому же все не так молоды, как вы, сэр Ричард.

– Но как Фидей Дефендер, – заметил я, – уже стар.

– Простите?

– Нет-нет, – заверил я, – никак не тороплю. Я тоже как бы весьма поразмышляю о высоком. В пределах моего исповинского духовного роста, разумеется.

Он поклонился без улыбки, принимая смягчающую формулировку, почти шутку, отступил, постоял так со склоненной головой у двери, словно не зная, как поступить дальше, наконец вышел.

Некоторое время я исследовал комнату, рассматривал затейливо исполненные канделябры, камин, это у меня проходит по графе «мыслить о высоком».

Одно из кресел на возвышении, белоснежное, явно из слоновой кости, отделано серебром и золотом. Кардиналы сядут лицом друг в другу, между ними широкий проход, а кресло папы стоит так, что смотрит вдоль прохода на далекую дверь. Наверное, это что-то означает, в столь сложных и древних ритуалах каждый жест, слово и даже приподнятая бровь что-то да означают.

Когда из коридора открылась дверь, я ковырял ногтем облицовку стены, стараясь определить, в самом ли деле дерево или же святость этого места сумела перестроить его в некое совершенно иное состояние.

Кардиналы, все в пурпурных мантиях и красных шапках, заходят неспешно, усаживаются в разных концах комнаты, занимая то ли строго установленные места, то ли группируются по интересам и общим целям, везде есть левые, правые и центристы, здесь они, скорее, паписты.

Я стоял в почтительном молчании, они здесь хозяева, я гость, хотя какой-то неинтересный, всего лишь двое-трое бросили на меня беглые взгляды и продолжают вполголоса тихие разговоры.

Мой диакон вернулся вместе с кардиналами, посмотрел на меня строго и удалился. В числе последних вошли кардиналы Гальяниницатти и Мариоцетти, и хотя в комнате разо-

шлись в разные стороны, мне почудилось, что успели о чем-то сговориться или, как говорят на верхах, достичь определенных согласованностей.

Когда все расселись, и говор начал стихать, появился кардинал Бабзани, быстро прошел к оставленному для него месту за столом, но не сел, а сказал отрывисто:

– Мы собрались по просьбе Верховного Инквизитора северных земель отца Дитриха, но не забывайте, что после дела, по которому прибыл Фидей Дефендер, нам предстоит решить еще несколько важных вопросов... Сэр Фидей?

Я сделал шаг вперед, поклонился:

– Готов ответить на любые вопросы.

Бабзани сказал резким голосом:

– Мы сократим обсуждение, если вы сами кратко и ясно выскажете, что вас привело сюда.

Я ответил так же коротко:

– Уверенность, что решение о карающей длани Господней... не совсем мотивировано.

Бабзани сказал в легком нетерпении:

– Господь свое решение вынес. Ничто не может его отменить!

– Ничто, – согласился я. – И речь не об отмене. Разве не видите, что он дает нам тот же шанс, что давал и поколению Ноя?

Бабзани поморщился.

– Строить умозрительные спекуляции можно до беско-

нечности. Поговорите с нашими богословами! Они вам докажут все, что угодно. И тут же сами опровергнут еще более мастерски.

— Все может быть, — ответил я с сильно стучащим сердцем. — То, что ваши богословы насчитали семьсот тысяч ангелов на острие иглы, несомненно, принесет великую пользу науке и прогрессу, положив начало научному методу. Однако здесь другое...

Он чуть наклонился вперед, всматриваясь в мое взволнованное лицо:

— Что именно?

— Вера, — ответил я пламенно и перекрестился.

Бабзани саркастически улыбнулся, кардиналы промолчали, даже отвели от меня вопрошающие взоры, словно им стало за меня неловко. По их лицам я видел, насколько глупо выгляжу, здесь не деревенские попики, которые и сами могут верить, я стою перед коллегией кардиналов, а это все прожженные политики, все верят только в силу церкви, как общественной организации, которая должна быть направлена на улучшение нравов дикого и злобного человеческого стада.

— Мы не этого ответа, — заметил кардинал Гальяниницати, — ждали от великого Фидей Дефендера...

Кардинал Мариоцетти ехидно усмехнулся:

— Что вы хотите, он же всего лишь король.

Он начал подниматься, за ним другие, уже поворачиваясь

в сторону выхода, я крикнул во весь голос:

– А что, по-вашему, означает замедленное приближение Багровой Звезды?

– Замедленное? – переспросил Бабзани с удивлением.

Я ощутил промах, сказал поспешно:

– Я не знаток, конечно, с какой скоростью и как должно это приближаться, дела Господни вне нашего разумения, хоть мы и по Его образу и подобию! Однако же, как мне кажется... мне кажется, Господь не настолько слаб, чтобы не в состоянии смести человечество одним ударом!

Они остановились, кардинал Бабзани взглянул на меня зорко:

– А у вас, сэр Фидей, объяснение уже готово?

– Да! – выпалил я. – Господь давал такой же точно шанс поколению Ноя!.. Ему вообще отпустил сто тридцать лет, пока Ной сажал кедровую рощу, из которой должны вырасти деревья для постройки ковчега!.. Или, полагаете, Господь не мог вызвать потоп сразу?

Они переглядывались, двое кардиналов все же направились к двери, но Бабзани вскинул руки и молча призвал остальных опуститься на свои места.

– Вопрос интересный, – признал он со вкусом, – но это не значит, что ответ именно тот, который устраивает вас, юный Защитник Веры.

– Ответ можно придумать любой, – отрезал я. – Уверен, здесь досужие умы именно в таких спорах и диспутах как раз

и оттачивают мастерство. Однако вот самое реальное объяснение: Господь дает нам время!

Бабзани спросил с интересом:

– Для чего?

– Для всего, – сказал я с вызовом. – Он дал нам свободу воли, теперь мы сами отвечаем за все, и вот Он желает увидеть, ответим ли? Или же, как и люди во времена Ноя, будут продолжать заниматься своими делами?

Мариоцетти спросил со своего места:

– А зачем Ему это?

– Потому что Он хочет, – выпалил я, – чтобы мы спаслись! Но Он хочет, чтобы спаслись сами. Это проверка... такая же была во времена Ноя, но тогдашние народы ее не выдержали. Но мы... мы должны принять вызов!

– Как? – спросил Бабзани с тем же интересом, его, похоже, забавляет мой пыл и детская вера в то, что удастся переломить то, чему суждено свершиться. – Как?

– Главная ошибка современников Ноя, – сказал я, – была в том, что насчет потопа просто не поверили. Но на этот раз Господь сделал так, что мы зрим приближающийся потоп, на этот раз уже огненный.

– Но времени дал меньше, – уточнил Мариоцетти.

Я перекрестился и сказал твердо:

– Господь никогда не возлагает ношу большую, чем люди могут вынести. Значит, если будем бороться с верой в сердце и яростью в душе, если не будем щадить себя во имя жизни

наших детей, близких и вообще человечества... то сможем остановить погибель всего мира!

– Блаженны верящие, – пробормотал он.

– Значит, – спросил я остро, – вы не верующий?

Он поморщился:

– Верующий – не значит верящий, вы должны бы такое знать...

Глава 9

Он умолк на полуслове, быстро повернулся в сторону двери и склонился в почтительнейшем поклоне. Слуги, неподвижные и молчаливые, как големы, распахнули обе створки. Из коридора в комнату заседаний медленно вошел человек, чье величие сразу заполнило пространство, как если бы вошел большой слон с золотым паланкином магараджи на спине.

Кардиналы поспешно встали, склонили головы и остались в таком положении. Папа, сторбленный, но с поддерживающими его под руки помощниками, скорее из почтительности, так как сам довольно бодро прошел к оставленному для него трону, жестом повелел сесть замершим в смиренном молчании кардиналам.

Держа богато оформленные томики Библии в руках, медленно и важно заняли места за спиной папы помощники, перекрестились, переложив книги в левые руки, смиренно опустили головы.

Библии у всех рукописные, как я и ожидал, но одна привлекла внимание очень уж нестандартным оформлением, словно над ней поработали не только ювелиры, у всех книги украшены серебром и золотом, а еще и высококвалифицированные дизайнеры.

– Мы все знаем, – сказал кардинал Бабзани, обращаясь

вроде бы ко всем, но вводя в курс папу, – почему собрались. По настоянию Верховного Инквизитора северных королевств отца Дитриха проработали еще раз вообще-то уже решенный вопрос...

Я вскинул руку и заговорил быстро, не дожидаясь, когда председательствующий даст мне слово, а то вдруг да не даст, что скорее всего:

– Сберегая ваше драгоценное время, сообщу, к вашему облегчению, что приоритеты несколько сместились!

Бабзани грозно сдвинул брови над переносицей:

– Что еще?

– Вопрос о деснице Господа, – сказал я громко, – поднимать не будем! Взамен сообщу радостную весть насчет павших ангелов. Большая часть из них, находясь на исправительных работах в аду, уже осознали свою ошибку! Они раскаялись и со слезами на глазах готовы просить прощения и милости Господа.

Я посмотрел на всех радостными глазами, но кардиналы мало того, что промолчали, лица все такие же мрачные, кое у кого стали еще темнее, любые перемены вызывают страх и причиняют неудобства.

Кардинал Бабзани поинтересовался строго:

– Это, конечно, благая весть, за что благодарим, однако какое это имеет отношение...

– К сожалению, – продолжил я быстро, обращаясь к нему, но поглядывая на неподвижного папу, – небольшая часть

ангелов, всего один-два миллиона, совсем пустяк, не только не желают пойти на примирение, но стараются еще больше обострить существующую международную обстановку на местах и всюду!

Кардиналы смотрят с такими же неподвижными лицами, я слышал как-то, что в старости некоторые приучились спать с открытыми глазами, а Бабзани поинтересовался:

– Лорд Дефендер, безусловно, это очень великое событие... но почему вы полагаете, что папской курии до этого есть дело?

Я посмотрел на папу, тот молчал, я сказал пламенно:

– Папской курии до всего должно быть дело, ибо на папе держится весь мир!

Папа взглянул на меня остро, Бабзани тоже перехватил взгляд понтифика, покачал головой:

– Звучит, признаю, очень даже, однако...

– Ангелы небесного легиона, – сказал я, – совместно с раскаявшимися ангелами ада готовятся нанести поражение новым мятежникам и окончательно решить вопрос о гнусной ереси в рядах посланцев Господа!..

– И?

– Но сложность в том, – сообщил я, – что ангелы не могут убивать ангелов, а ниже ада их уже не сбросишь. На этот раз нужно такое оружие, чтобы убивало ангелов, а это может сделать только человек. Потому мятежники освободили из котлов грешников и дали им оружие, чтобы те могли убивать

небесных ангелов!

Кардиналы начали негромко переговариваться, папа все еще молчит и рассматривает меня испытующе.

– Это серьезно, – проговорил Бабзани с озадаченностью в голосе. – Что просит Великий Инквизитор?

– Дать мне оружие, – сообщил я, – из тайных хранилищ Ватикана. Я его немедленно верну, как только подавим гнусный мятеж против законной власти.

Кардиналы заговорили громче, я чувствовал возмущение такой наглостью, а Бабзани сразу покачал головой.

– Оружие библейских времен, – произнес он, – не может быть передано человеку даже на время.

– Почему? – спросил я. – Мир вот-вот погибнет! Вы это знаете. Почему нельзя?

Папа продолжал рассматривать меня, а кардинал Бабзани, как глава коллегии и, как догадываюсь, ее декан, посмотрел на меня свысока и уничижительно.

– Вас не удовлетворяет запрет папской курии, – спросил он, – одобренный папой Карлом Восьмым?

– Это когда было? – спросил я. – Тогда мир не готовился сгореть в адском пламени! Я обращаюсь к его святейшему сказать наконец-то свое веское слово. Он и только он определяет в данное время, что можно использовать, а что нельзя, но мы все понимаем, использовать нужно все, до чего можем дотянуться! Когда Господь велел нам плодиться и даже размножаться, Он хотел, чтобы мы жили! Это Его са-

мая первая и самая важная из заповедей!

Кардинал Бабзани помедлил, бросил осторожный взгляд на папу, все еще погруженного в раздумья.

– Знамение в небе, – произнес он значительно, – есть ясное доказательство Божьей воли...

– Это знамение можно толковать по-разному, – возразил я. – Что скажет его святейшество?

Папа поглядывал на меня из-под опущенных век, все еще помалкивает, но мне казалось, разговаривает со мной на языке, которого мне пока не понять, однако нечто ему отвечает во мне.

Кардиналы не двигались и смотрели в его сторону настороженно, наконец папа произнес, не меняя выражение лица:

– Викарию надлежит немедленно провести Защитника Веры в тринадцатое хранилище, именуемое также ангаром на языке древних. Там совместно подберете необходимое... разумеется, при условии немедленного возвращения артефакта библейских пророков на место.

Бабзани нервно сглотнул слюну, а папа поднялся легко, его помощники выстроились за ним и так же клином покинули помещение.

Кардинал Гальяниницатти улыбнулся мне широко и, как мне показалось, с облегчением.

– Как хорошо, сэр Фидей, – произнес он с чувством, – что не было никакого обсуждения. Иначе бы мы вас утопили.

Бабзани сказал резко:

– И все-таки это огромный риск! Сэр Фидей, как мы знаем, вроде бы ломится напролом к верной цели, однако душа его черна, и на пути к построению Царства Небесного он без всякой жалости рушит...

Судя по лицам кардиналов, они разделяют озабоченность главы коллегии, только Гальяниницатти заметил ележным голосом:

– Так уже бывало в годы смут и больших бед для церкви. Штурвал удавалось удержать лишь в твердых руках и провести наш корабль сквозь бури, даже выбрасывая за борт тех, кто старался помешать или даже требовал повернуть назад.

Он повернулся ко мне, я как можно более скромно и благочестиво перекрестился.

– Иисус изрек, – сказал я, – раскаявшаяся блудница для него дороже сотни девственниц. Думаю, он тоже был бы рад, что я с такой чернящей душой, как вы говорите, пошел сражаться за его идеи! Это значит, они верны, если даже я...

Бабзани ждал, но я нарочито молчал, и он, поморщившись, сказал нехотя:

– Да, несомненно, однако... я почти сожалею о своей резкости, но вы должны понимать нашу настороженность в отношении таких, гм, раскаявшихся.

Один из кардиналов пробормотал в сторонке:

– Видели мы всяких раскаявшихся.

Мариоцатти вставил:

– Сегодня он раскаялся, а завтра снова идет убивать и гра-

бить!

Наступило несколько неловкое молчание, я сказал саркастически:

– Спасибо за высокую оценку! И за откровенность. Церковь действительно медлительна и осторожна, однако мы знаем примеры, когда умела действовать быстро, решительно и нестандартно.

Бабзани сказал со вздохом:

– Сэр Фидей, вон кардинал-викарий Чиппелло. Он проведет вас в нашу сокровищницу. А теперь мы переходим ко второму вопросу, касаемому изменения в конгрегациях...

Я понял, что покинуть помещение нужно как можно скорее, здесь люди занятые, поклонился и почти стрелой вылетел в коридор, хотя в Ватикане любая поспешность выглядит предосудительно.

Вслед за мной вышел один из кардиналов, такой же как и все, в красной мантии и красной шапочке, с особым кардинальским кольцом на пальце, обычное скромное облачение, совсем не то, что литургическое, однако я ощутил исходящую от него силу власти, словно он не только кардинал-викарий, то есть заместитель папы, но и вице-канцлер, это должность, как и кардинал-викарий, наиболее приближена к папе римскому.

– Сэр Фидей, – произнес он деловито.

– Да, ваше преосвященство?

– Следуйте за мной, – распорядился он. – Хотя дело важ-

ное, однако оно у меня не единственное.

– Не отстану, – заверил я с радостно стучащим сердцем.

Он кивнул, не глядя в мою сторону, и дальше я в самом деле старался не отстать, потому что он двигается достаточно быстро, словно его несет по идеально ровному льду.

Спустившись еще на этаж, мы прошли ряд залов, куда свет проникает только в окна, расположенные в стенах у самого потолка, а дальше нас повели ступени вниз и вниз.

Сперва то и дело встречали стражей, крепких парней, что провожали нас подозрительными взглядами, потом дальше как лестницы, так и залы оказывались пустыми, но всякий раз кардинал останавливался у входа, трогал каменную стену и произносил начальные слова молитвы.

С каждым этажом вниз молитвы становились сложнее и длиннее, мое сердце стучало учащенно, мне можно не объяснять, чем вызвано такое усердие.

Наконец мы опустились на уровень, где проход перекрывает одна-единственная дверь, но целиком из металла, покрытая сложными барельефами с изображениями драконов, единорогов и прочих животных, что значит точно дохристианское творение, нет и намека на крест или постные лики святых.

Еще я обратил внимание, что пол перед дверью рифленый, как рукоять моего меча, только квадратики покрупнее. Кардинал потрогал дверь в разных местах, словно проверяя, никакая ли фигурка не сбежала за это время.

– Это она и есть, – спросил я, – сокровищница Ватикана? Кардинал хмуро покосился в мою сторону.

– Не обольщайтесь, – произнес он холодно, – что мы прошли сюда так легко. На всем нашем пути не было и шага, где вас не ждала неминуемая гибель от незримой охраны.

– Догадываюсь, – ответил я смиренно, – Ватикан должен уметь защищать свои сокровища. А как насчет этой двери?

– Ждите, – ответил он. – Сейчас ее открывают. Для этого требуются усилия двенадцати особо допущенных к этому священному таинству кардиналов.

– Ага, – сказал я глубокомысленно, – все понятно.

Он снова бросил косой взгляд, уже несколько удивленный, как это мне может быть понятно, когда кроме нас здесь никого, где же эти двенадцать кардиналов, но я жду спокойно, и он вздохнул и начал смотреть в дверь уже с заметным нетерпением.

Я ждал чего-то необычайного, дверь либо исчезнет, либо ее отстрелит стремительно в потолок, однако она лишь дрогнула и осталась в том же положении.

Кардинал сказал бодро:

– Ну, покажите, сэр Фидей, сможете ли открыть одной рукой!

Я фыркнул, взялся обеими за мощную дверную ручку, что не ручка, а толстая скоба, потащил на себя, упираясь ногами в пол, теперь понятно, зачем он такой ну совсем не гладкий.

Если бы все сокровища мира свести в один банк, то дверь

в его хранилища могла быть примерно такой же массивной, толстой и явно открываемой не только с помощью моих мускулов.

Когда я приоткрыл наполовину, кардинал бросил недо-вольно:

– Достаточно.

Он вошел первым, а я сделал шаг следом и застыл с раскрытым ртом и выпученными глазами. Зал настолько огромный, что вдали в темноте теряются стены, как боковые, так и та, что напротив, свод поддерживают ряды по-старинному толстых колонн, а несколькими рядами расположены стеллажи... с книгами.

– Библиотека, – выдохнул я. – Все верно... это и есть настоящие сокровища!

Кардинал оглянулся.

– Да, – спросил он с интересом, – вы так считаете? Странно...

– Почему?

– Мы идем дальше, – объяснил он. – Туда, где вам все-таки понятнее и привычнее.

– Почему?

– Разве вы не человек меча?

Он прибавил шаг, а я спешил следом и все озирался по сторонам, везде толстые манускрипты, иллюминированные и простые, инкунабулы, редчайшие фолианты, все в бронзе, меди, даже в переплетах из темного серебра или вообще

неизвестного мне металла, это же сколько там всяких тайн, которые вообще-то никому сейчас не нужны, все это собрать и сжечь, но как же, варварство, нужно хранить и беречь, пусть даже это вредное язычество и пропаганда гедонизма, так противного строгому и нравственному христианству...

Мне казалось, прошли целую милю вдоль этих полок с удивительными сокровищами, пусть даже бесполезными, как почти весь антиквариат, наконец впереди выросла уходящая в темноту свода стена.

Я с вопросом в глазах посмотрел на кардинал-викария, он недовольно повел бровью, в стене с явной неохотой проступила дверь, больше похожая на массивные ворота.

– Мы пришли, – сказал он коротко. – Сосредоточьтесь на молитве.

– Какой?

– Любой, – ответил он безучастно и добавил: – Важно состояние духа.

– Бодрое, – отрапортовал я. – Убивать и грабить!

Он поморщился.

– Христианство, – напомнил строго, – мирная религия. Убивать и грабить можно только за правое дело.

– И насиловать! – добавил я.

– И насиловать, – согласился он. – Но только в интересах распространения правильного мировоззрения на мироустройство.

– Понятно, – ответил я, молитвы не могут быть воин-

ственными, постарался настроиться на то, как хорошо, когда на земле мир и благоденствие, можно наконец-то сосредоточиться на прогрессе, равноправии, вертикальном развитии. – Господь да осуществит наши благие помыслы...

Он покосился с недоверием, какие у такого здоровенного могут быть благие помыслы, однако потянул дверь на себя, и она пошла за ним медленно и печально, почти с ожидаемой музыкой, но бесшумно.

Глава 10

Я переступил порог с трепетом во всем теле, ожидая нечто необыкновенного. Однако помещение хоть и просторное, уходящее вдаль, но вдоль стен обычные столы, перемежающиеся огромными сундуками. Кое-где некие экспонаты развешаны просто на стенах, но чаще лежат в беспорядке, как показалось, на столах.

Кардинал остро взглянул на мое несколько разочарованное лицо:

- Как себя чувствуете?
- Ожидал нечто более, – признался я.
- А оказалось менее?
- И весьма, – уточнил я. – Даже в какой-то мере зело. Хотя и обло.

Он тяжело вздохнул:

– Великие вещи, как и великие люди, не кричат о себе и не стараются выделиться чем-то внешне. Видите вон на столе охотничий рог? В него не протрубить достаточно громко, не так ли?.. Однако один его звук обрушил стены Иерихона. Рядом простой вроде бы камень, но в нем страшная сила, ибо им совершено первое убийство на земле, когда Каин приревновал своего брата... А вон тот камень впитал кровь последних защитников крепости Моссад, когда они убили свои семьи и покончили с собой, чтобы не быть римскими

рабами...

Я перевел дыхание, спросил уже другим тоном:

– А вон то собрание посохов?.. Что-то вот тот кажется странно знакомым.

– Только один? – спросил он тихо и с почтением. – Это посохи и жезлы, что тогда были тоже посохами, пророка Моисея, Авраама, Аарона, Елисея, Иеремии, Иезекииля и десятков других великих, что бродили по древним землям и страстными проповедями не давали угаснуть искре божьей в людских душах...

– У меня уже озноб по шкуре, – признался я.

Он кивнул, на хмуром лице отразилось смутное удовлетворение.

– Я вообще упал в обморок, – проговорил он, – когда впервые все это увидел.

– Ой, – сказал я льстиво, – вы тонкая натура!

Он сообщил с некоторой похвальбой, лесть нравится всем:

– Семь лет ушло, пока переписал... Пойдемте, вам нужно что-то выбрать.

– Выбрать, – ответил я, – а можно возьму все?

Он впервые улыбнулся:

– Понимаю, понимаю такое желание.

– Да у меня прозвище такое, – объяснил я виновато. – Ричард Загребущие Руки. Или короче – Ричард Загребущий. Можно проще – Загребун.

Он не отвечал, а я шел следом, то и дело задерживаясь, не в силах оторвать взгляд то от лука Нимрода, стрелой из которого тот достал небо так, что обратно вернулась в крови, то от меча Иисуса Навина, с виду куда уж простого и слишком короткого, чтобы мог сойти даже за одинарный...

На отдельных столах всякие мелочи вроде срезанных волос Самсона, в которых осталась и накопилась со временем его исполинская сила, заколка для волос Вирсавии, брошка Сюзанны, ожерелье Клеопатры...

Я ахал, всплескивал руками, восторгался, бывал сражен под корень, наконец взмолился:

– Неужели все это будет спрятано под землю? Где, возможно, исчезнет навсегда?.. Почему не раздать верным слугам церкви и не попытаться дать отпор Маркусу?

Он бросил на меня осторожный взгляд:

– Сэр Фидей... или вас лучше называть лордом Дефендером?.. В отношении вас решение уже принято папой, это никто не оспорит. В отношении остальных...

– А что остальные?

– Слишком велик соблазн, – ответил он. – Соблазн воспользоваться такой мощью в своих личных интересах.

– А я?

Он кисло улыбнулся:

– Наш папа человек очень проницательный. За вашим ерничанием, о котором тоже известно, сумел рассмотреть, судя по его решению, человека либо честного и по юности еще

бескорыстного, либо слишком большого хитреца, что не станет вот так в лоб пользоваться первой же возможностью. Полагаю, он поверил, что вы вернете любую вещь, взятую отсюда, и постараетесь сыграть на своей чистоте и благородстве, чтобы потом хапануть нечто большее.

Я пробормотал озадаченно:

– Что, в Ватикане совсем не осталось честных людей?

– Здесь очень высокие ставки, – ответил он уклончиво. –

Приходится предполагать худшее. Во избежание.

– То есть, – уточнил я, – на всякий случай считать всех жуликами?

Он невесело улыбнулся:

– Странно звучит, да? А вы знаете другой способ?

– Нет, – ответил я честно. – Но в моем окружении ставки поменьше. Если кто и сжульничает, он не погубит мир. Но папа... гм... наверное, он видит в моей душе больше, чем я сам.

– Он такой, – подтвердил кардинал. – Умеет читать даже в самых темных душах. А ваша, возможно, не самая темная на свете. Я, честно говоря, ожидал увидеть на вашем месте человека намного старше. Ваша молодость, увы, удручает.

Я сказал с обидой:

– Ну почему, если молод, то обязательно дурак?

– Я этого не сказал, – проговорил он с улыбкой.

– Но подразумевали, – сказал я.

– Подразумевал, – согласился он. – Я основывался на сво-

ем опыте. Я вот был дураком в ваши годы. Потом, правда, умнел. Но не рывками, а так, плавно... Кстати, а вот столы с поясами. Смотрите, какое разнообразие! От пояса самого Каина, что просто веревка, до пояса некого странного героя древних времен, который появился из ниоткуда, совершил многие подвиги, а затем исчез. К счастью, доспехи остались. Правда, почти все растащили, но пояс и латные рукавицы удалось сохранить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.